АВ 92
3-12

За родину

ОГИЗ
КИРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КИРОВ
1939

ЭР02989

ДВГНБ
272398
ЭР02989

ДВГНБ

ЭР02989

ДВГНБ

ЭР02989

ДВ 925+ДВ 28
3-12
3-12
Проверено
1950 г.

ЗА РОДИНУ

Ж2.398
ДВГНБ
ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

КИРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КИРОВ 1939

ДВ государственная научная библиотека
ЭР02989

В сборник вошли очерки о хасанских событиях, взятые из газет „Тихоокеанская звезда", „Кировская правда" и из книги „Как мы били японских самураев" (Изд. ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия", 1938 г.). В нескольких очерках говорится о боевых подвигах старшего лейтенанта, орденоносца С. Я. Христолюбова — из колхоза „16 лет Октября" Пижанского района Кировской области.

В сборнике помещены стихотворения местных авторов Кировской области.

Проверено
1940 г.

ДВГНБ

Обложка худ. НОСЫРЕВА М. Г.

Редактор *Радаева Е. В.*
Технич. редактор *Хохлачев Н. М.*
Корректор *Коган М. И.*

Сдано в набор 25/VI 1939 г. Подписано к печати 1/VII 1939 г. Уполном. Облгита Б.-8118. ОГИЗ № 16. Индекс Х-1-в. Формат бумаги 70 x 108 1/32. Печатных листов 3,1. Учетно-издат. листов 5,63. Тираж 15 000 экз. Цена 1 р. 70 к. Переплет 60 к.

Кировская типо-литография Облместпрома. Зак. № 2500.

ЭР02989

КАК ЯПОНСКИЕ САМУРАИ ХОТЕЛИ ВЗЯТЬ СОПКУ ЗАОЗЕРНУЮ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

29 июля—11 августа 1938 г.

12 БОЕВЫХ ДНЕЙ

Капитан СТЕЖЕНКО

ЧТО ПРОИЗОШЛО В РАЙОНЕ ОЗЕРА ХАСАН?

Посьетский район, самая южная часть Дальневосточного Приморья, мало известен в западной части Советского Союза, однако он имеет весьма важное значение. Здесь сходятся границы СССР, Манчжурии и Кореи.

Наша граница с юга на север сначала проходит по реке Тумень-Ула, отделяя советскую территорию от Кореи. Протянувшись так около 25 километров, граница с Кореей переходит в границу с Манчжурией и отступает от реки. В этом месте между СССР и Кореей вклинивается длинным узким языком территория Манчжурии.

Пограничный участок Посьетского района изобилует низменностями и озерами. Одно из озер за последнее время стало известно всему миру. Это озеро Хасан с прилегающими к нему с запада высотами Заозерной (Чанкуфын) и Безымянной, где советские пограничники и войска Приморской 1-й армии в течение двенадцати дней вели упорные бои с японскими захватчиками, посягнувшими на неприкосновенность советской территории.

Почему японская военщина избрала для новой вооруженной авантюры район озера Хасан?

Озеро Хасан и расположенная около него гряда высот, или сопок, как их называют у нас в Приморье, находятся всего в 10 километрах от берегов Тихого океана, а по прямой—в 130 километрах от Владивостока.

ЭР02989

Если у Владивостока граница отстоит от побережья еще сравнительно далеко, километрах в 60—70, то чем дальше на юг, тем все ближе и ближе подходит она к берегу Японского моря. Здесь местность представляет собою узкую прибрежную полосу, сплошь болотистую и низменную, где движение возможно лишь по немногим тропам и проселочным дорогам. Дальше на север, вплоть до Владивостока, все побережье представляет также низменность, которая широко открывается взору с немногочисленных сопок.

Такими сопками, открывающими обзор на Посьетский район, являются высоты Заозерная (Чанкуфын) и ее соседка с севера—Безымянная, по вершинам которых проходит граница, установленная Хунчунским договором.

Как Заозерная, так и Безымянная составляют границы одного и того же скалистого кряжа, спускающегося по нашу сторону границы прямо в озеро Хасан.

Хотя обе сопки и невысоки (Заозерная имеет в вышину около полутораста метров), но в условиях окружающей ровной местности в ясную погоду с них видно все наше побережье. Наши пограничники в удачные дни, когда рассеиваются очень частые здесь туманы, в бинокль наблюдают и берег и дальние острова, разбросанные вдоль побережья на пути к Владивостоку.

Если бы японцы удержали в своих руках эти высоты, то их укрепления, наблюдательные пункты и огневые средства, расположенные на сопках, дали бы им возможность держать под наблюдением и прямым огнем весь участок нашей территории к югу и западу от залива Посьет. А обоснуйся японцы на высотах, они непосредственно угрожали бы и нашей бухте Посьет и побережью в направлении к Владивостоку.

Начиная свою авантюру, японская военщина рассчитывала на обеспеченный успех. Ее успокаивал исключительно трудный для нашей обороны характер местности, прилегающей к озеру Хасан. Сразу же за сопками Заозерной и Безымянной, если итти от границы в глубь нашей территории, лежит озеро Хасан, вытянутое на 4—5 километров с севера на юг вдоль границы. Его северный и южный края находятся от границы на

ЭР02989

расстоянии каких-нибудь 150—200 метров. Таким образом, обе сопки отделены от остальной советской территории широкой водной преградой, обойти которую на пути к сопкам можно только в непосредственной близости от границы по двум очень узким проходам.

Каждому понятно, какие большие преимущества это давало японским войскам, нацелившимся на сопки, и какие трудности создавало для нас.

Японцы рассчитывали, несомненно, также и на то, что болотистая местность и ограниченное число дорог не дадут нам возможности использовать танки и подвезти тяжелую артиллерию.

Как впоследствии выяснилось, японцы заблаговременно готовились к пограничному нападению. 19-я японская дивизия, расположенная в северной, приграничной части Кореи, была отмобилизована и содержалась в составе военного времени, в количестве не менее 20 тысяч человек. К району нападения были подтянуты тяжелая, зенитная артиллерия и бронепоезда.

Японская военщина предвкушала успех своих планов, строя их на учете больших трудностей, вставших перед нами при обороне советских рубежей на подступах к Посьету.

Но в своих расчетах японцы жестоко ошиблись. Красная Армия, выпестованная партией Ленина—Сталина, воспитанная, как и весь советский народ, на преодолении любых трудностей, еще раз показала всему миру, что нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять!

* * *

Застрельщиками нападения были японские пограничные отряды. Темной и туманной ночью 28 июля около роты японских пограничников скрыто сосредоточились у склонов сопок Заозерной и Безымянной по свою сторону границы. 29 июля днем они внезапно атаковали Безымянную. В это время на Безымянной находился наш пограничный наряд в составе одиннадцати человек.

Несмотря на явный перевес сил на стороне японцев, пограничники встретили нападающих решительным отпором. Завязался жестокий бой, перешедший в рукопашную схватку.

ЭР02989

Пограничники, отбивая навалившегося врага штыками и прикладами, дрались до последней возможности. Пять человек из состава наших бойцов были убиты, а остальные ранены.

Не имея сил больше удерживать высоту, пограничники были вынуждены ее оставить.

Услышав перестрелку, к месту боя выступил резерв пограничного отряда; штыковой атакой и гранатами японцы были отброшены с Безымянной. Они отошли за границу, оставив на нашей стороне своих убитых.

С самого начала вылазка японцев потерпела неудачу. Им потребовались дополнительные силы и некоторое время на сосредоточение. На следующий день—30 июля—около озера Хасан было спокойно. На гребнях сопок были расположены наши пограничные посты.

31 июля, перед самым рассветом, когда густой туман окутывал местность до самых вершин сопок, японцы совершили новое нападение. На этот раз они атаковали обе высоты—и Безымянную и Заозерную. Теперь с их стороны действовали уже не пограничные отряды, а полевые войска с большим количеством пулеметов, минометов и артиллерии. Как потом было установлено по убитым, японцы бросили в атаку два пехотных полка 19-й дивизии, поддержанных сильным артиллерийским огнем.

Хлынувшие через границу японские войска столкнулись с нашими пограничными частями. Весь день 31 июля и 1 августа бой в районе озера не прекращался. Пограничники поражали японцев огнем своих пулеметов, штыками и ручными гранатами. Даже будучи ранеными, бойцы оставались в строю, отказываясь от направления в тыл и продолжая мужественно драться с врагами. Однако перевес в силах был на стороне японцев; прокладывая себе дорогу ценой больших потерь, устилая путь убитыми и ранеными, японцы оттеснили наших пограничников и проникли в глубь советской территории до 4 километров.

Захватив Безымянную и Заозерную, японцы начали их спешно укреплять, строить окопы и создавать различные препятствия. Они использовали каменистые склоны сопок, расположили укрыто свои пулеметы и артиллерию, за отдель-

ЭР02989

ными камнями разместили снайперов. Обе высоты были превращены в основу японской обороны на озере Хасан. Огонь пулеметов с сопок и артиллерии, сосредоточенной за ними, запирал единственные подступы к высотам с севера и юга и между границей и озером.

Наше командование, встретившись с фактом ввода японцами в бой полевых войск, приказало полевым частям Красной Армии выступить на поддержку пограничников и уничтожить захватчиков, нагло вторгшихся на советскую территорию. Одновременно с этим строжайше было приказано не переходить границы.

Наш полк, находившийся в расстоянии около перехода от района боев, получил приказ о немедленном выступлении. Головной батальон форсированным маршем двинулся к озеру Хасан, за ним следовали остальные батальоны.

2 августа полевые части войск 1-й армии, расположенных в Посьетском районе, вступили в бой с захватчиками. Был туманный день, моросил дождь. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Дружным натиском пограничных частей и полевых войск противник был отброшен за озеро Хасан. Поздно вечером наши войска приблизились к занятым японцами сопкам Заозерной и Безымянной.

Японцы находились в чрезвычайно выгодных тактических условиях. Перед их позициями лежало озеро, которое не позволяло нам атаковать высоты с фронта. Для того чтобы выгнать врага с советской земли, нам надо было обходить края озера, то есть двигаться вдоль самой границы, попадая под жестокий огонь японских войск, которые находились не только на высотах Заозерной и Безымянной, но и на других возвышенностях, тянущихся вправо и влево вдоль границы.

Мы были зажаты на узком пространстве между озером и границей. Конечно, мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели сопками, обходя их по манчжурской территории. Но наши части точно выполняли приказ командования и действовали в пределах своей территории. В последующие дни мы увидели, насколько это было трудным.

ЭР02989

Наш батальон наступал на японцев через южный подступ, имея задачей занять Заозерную. Перед нами лежало пространство в полтораста метров, сплошь оплетенное проволокой и находившееся под перекрестным пулеметным огнем. Через этот лабиринт огня и проволоки нам предстояло пробиться и выбросить захватчиков с советской земли. В таком же положении находились наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную.

Всю ночь и последующие дни мы отбивали непрекращавшиеся контратаки японцев, штыковыми ударами отбрасывали врага назад, на его позиции. Мы двигались вперед, дерясь буквально за каждый шаг; ни ожесточенные контратаки японцев, ни огонь пулеметов, который не прекращался ни на минуту, не могли остановить наших бойцов. Медленно, но неуклонно мы приближались к японским заграждениям.

Бойцы-дальневосточники, пламенные патриоты, не считаясь ни с какими трудностями, стремились быстрее выполнить поставленную командованием задачу. Одна из рот попросила у командования разрешения проникнуть через заграждения и атаковать японцев. Добровольцы, конкурируя друг перед другом, настойчиво добивались удовлетворения их просьбы. Командование разрешило.

Под покровом тумана смельчаки рассредоточились на полутораста метрах лежащего впереди пространства и, преодолевая проволоку, подползли к японским укреплениям. Когда туман рассеялся, они были обнаружены японцами, но успели за это время окопаться настолько, что как ни старались их японцы выбить, ничего не выходило.

За эти дни наше командование закончило сосредоточение технических средств в количестве, необходимом для решительного удара по захватчикам.

4 и 5 августа шли беспрерывные дожди. Дороги размокли, болота превращались в озера, что еще больше осложняло наше маневрирование.

6 августа—день годовщины Дальневосточного Краснознаменного фронта. С утра, как всегда, было туманно. Около полудня туман рассеялся. Вдруг загудело небо. Это шли наши самолеты. Вот один десяток, другой, третий, четвер-

ЭР02989

тый... их было много. В боевом строю они шли на противника.

Поднялись вверх столбы земли на безлесных гребнях занятых японцами сопок, взлетели обломки японских орудий, щепки разрушенных японских укреплений.

Как бы споря в мощности с разрывами авиабомб, загрохотала наша артиллерия. Ее снаряды ложились в полосе японских позиций. Мощная артиллерийская подготовка слилась воедино с авиабомбардировкой. Как видно, не сладко чувствовали себя японцы, получая наши „гостинцы"!

Вслед за бомбардировщиками включились в бой истребители. Пулеметным огнем они поливают японскую пехоту.

Пришла очередь для действий нашей пехоты. В сопровождении танков она ринулась в атаку через узкое пространство. Японская артиллерия бьет по танкам прямой наводкой. Танки, ныряя в неровностях местности, осторожно выбирают узкие полоски проходимого пространства, давят проволоку и врезаются в расположение японских позиций. Бойцы разрывают проволоку ножницами, подрывают ее ручными гранатами. Наши замечательные бойцы, пренебрегая огнем японской артиллерии, установленной на манчжурской территории, уверенно двигаются вперед; подразделения соревнуются друг с другом в том, чтобы первыми войти с красными знаменами на родную советскую Заозерную сопку.

К вечеру самолеты повторили атаку. Опять гром разрывов, столбы земли. Артиллерийский огонь японцев ослаб,—видно, несколько японских батарей были подбиты нашей артиллерией.

Я не участник империалистической войны, но знаю по описаниям, какой силы достигал огонь на фронте в период наиболее напряженных боев. 6 августа и в последующие дни мы проделали то, что проделывалось в те времена при атаке сильно укрепленных позиций и что вошло в историю, как примеры небывалого упорства и обороны и наступления.

Спустилась ночь. Бой не прекращался, но японцы начали сдавать. Еще нажим, еще раз бросок в атаку. С криками: „Ура! Да здравствует великий Сталин!"—бойцы стремятся вверх по крутым склонам сопки. Враг не выдержал—сопка наша! Заозерная (Чанкуфын) снова в наших руках!

ЭР02989

На рассвете на Заозерной развевались красные знамена. Японцы успели основательно укрепиться на высоте. Они оставили окопы глубиной в полный профиль, убежища и блиндажи для пехоты, основательно разрушенные действиями нашей авиации и артиллерии. Проволочные заграждения перед японскими позициями были построены в 3—4 ряда кольев, впереди них были открыты противотанковые рвы. В оставленных самураями окопах мы нашли несколько сот порожних бутылок из-под спиртного различных марок.

Японцы не хотели помириться с потерей высоты. Озверелые, с криками „банзай" они карабкались по камням на сопку. Наши бойцы подпускали их на близкое расстояние, а затем забрасывали ручными гранатами. Так отбивались неоднократные контратаки японцев. Большинство наступавших оставалось на месте убитыми, а уцелевшие скатывались обратно вниз.

В дальнейшие дни основные бои развернулись на высоте Безымянной, где японцы еще занимали часть нашей территории. Стараясь выбить японцев, наши части невольно вклинились метров на 300—400 в японское расположение по ту сторону границы.

Японская артиллерия продолжала вести огонь, стараясь подбить наши орудия. Однако огонь японцев страдал одним „дефектом": снаряды попадали куда угодно, только не в цель. Наша артиллерия уверенно выполняла свои задачи, поражая неприятельские орудия. 8 августа по нашему батальону открыла усиленный огонь одна из японских батарей, препятствуя нашему наступлению. После того как наша артиллерия направила огонь по этой батарее, мы на себе почувствовали успешные результаты в работе наших артиллеристов: сначала японский огонь ослаб, а затем прекратился.

Бои за Безымянную богаты эпизодами героического поведения бойцов-патриотов. 9 августа группа смельчаков-добровольцев испросила у командования разрешения уничтожить две японские укрепленные точки, которые особенно мешали нашим действиям. Ночью смельчаки подползли к укрепленным точкам, заложили фугас и взорвали одну из них. Другую точку они вынудили замолчать, ведя непрерывный огонь по амбразуре, откуда до этого стрелял японский пулемет.

ЭР02989

Одно из наших отделений, скрыто подойдя к расположению противника, своим умелым огнем уничтожило японский взвод.

На южном участке в тот же день, 9 августа, когда около двух рот пехоты противника, переправившись через реку Тумень-Ула, собирались нас атаковать, они были уничтожены: одна рота на месте нашим артиллерийским огнем, а другая при отступлении вплавь через реку. Прекрасно действовали наши саперы, которые под огнем японцев строили укрепления на отбитых нами высотах.

Громадными усилиями преодолевая трудности местности и японской обороны, наши бойцы, командиры и политработники последовательно выполняли волю советского народа, выраженную вождем народов товарищем Сталиным: „Ни одного вершка своей земли не отдадим никому".

Мы не хотим ни корейской, ни манчжурской земли, но советуем вам, господа японцы, оставить надежды на владение нашими сопками, озерами, пашнями, городами. Если не хотите сойтись на этом по-хорошему, мы вас убедим силой, сколько бы войск вы ни собрали и каких бы нам это усилий ни стоило. Такими настроениями были проникнуты все, кто в те дни дрался с захватчиками. Великая сила любви к родине, горячее чувство советского патриотизма руководили нашими действиями в эти незабываемые дни. С именем Сталина на устах, под красными знаменами страны социализма мы шли в бой и побеждали. Готовность всей необъятной Советской страны отразить налетчиков воодушевляла нас в тяжелых условиях боевой работы.

Беспартийные красноармейцы и командиры в период боев подавали заявления о принятии их в партию и комсомол. „Хотим итти в бой членами партии Ленина—Сталина, членами ленинского комсомола",—заявляли они. В бою они своим беззаветным геройством доказали преданность делу партии и искренность своего стремления быть в ее рядах. Сейчас они влились в нашу партийную и комсомольскую семью. Партийные и беспартийные большевики, борясь плечом к плечу, победили трудности и вышвырнули обнаглевших самураев с родной земли.

ЭР02989

К моменту перемирия, которое было объявлено 11 августа, на советской территории не было больше ни одного японского солдата. Японцы попытались было в самый последний момент выдвинуться вперед на нашу территорию, накапливаясь за камнями сопки Заозерной. Они воспользовались тем, что огонь с нашей стороны был прекращен ввиду начавшегося перемирия. Однако настойчивая позиция нашего командования заставила японцев уважать заключенное соглашение и отойти на линию, которую они занимали до перемирия.

Сейчас мы уверенно держим в своих руках отвоеванные сопки, политые кровью сынов социалистической родины, павших на защите советских границ.

„Правда", *„Красная звезда"*

ИЗ ПЛЕМЕНИ БОГАТЫРЕЙ[1]

Он просыпается внезапно часа в два ночи и долго не может сообразить, что происходит с ним. Тысячи голосов повторяют его имя:

— Христолюбову от Красной столицы привет!

— Выздоравливай скорее, товарищ Христолюбов!

— Да здравствует герой-пограничник Христолюбов!

Ура, аплодисменты, восторженные крики.

Шум никого не тревожит в палате. Выздоравливающие герои Хасана спят безмятежным, молодым сном.

Когда приветствия утихают, он слышит свой спокойный, чуть глуховатый голос, повествующий о событиях знаменитой ночи на высоте Заозерной.

Христолюбов соображает—это забыли выключить репродуктор. Недавно он говорил речь перед микрофоном. Ее записали на пленку для Москвы и теперь передают где-то, может быть на митинге.

[1] Старший лейтенант, орденоносец Сергей Яковлевич Христолюбов, о котором рассказывает очерк, — член колхоза „16 лет Октября" Ижевского сельсовета Пижанского района Кировской обл. (Изд.)

ЭР02989

Его рассказ прост и краток. Он успел уложиться в три минуты, но теперь ему безумно хочется говорить. Говорить еще, говорить о счастье своем. Весь народ приветствует его. Родина гордится сыном своим. Миллионы людей желают скорейшего выздоровления ему. Старик-отец в деревне Подгорна Кировской области и брат на западной границе тоже наверное слушают радио...

Он сидит на кровати, ошеломленный, в полном смятении чувств. Что же, собственно, сделал он? Ведь только выполнил долг. Но должно быть хорошо очень выполнил, если так доволен им народ. Скорее бы снова туда, на границу! Он долго не может уснуть в эту ночь.

...Летом 1933 года в городе Н. из зала суда исчезает подсудимый—шпион некоего государства. Во время перерыва, воспользовавшись невнимательностью часового, шпион берет урну и выходит с ней на улицу. Люди, встретив его в коридоре, не обращают внимания, думая, что это уборщик. Через несколько минут побег обнаружился, но все поиски шпиона оказались тщетными. В разные стороны от города посылают погоню. И в числе других отправляется курсант школы младших командиров-пограничников Сергей Христолюбов. Он оценивает обстановку и на рысях мчится к деревне М., решая, что шпион непременно отправился туда. Через несколько часов Христолюбову удается напасть на след шпиона. Он только полчаса назад был в деревне, купил буханку хлеба и пошел дальше. Христолюбов продолжает погоню, но темная ночь дает мало надежды на успех. К пяти часам утра, загнав лошадей, Христолюбов выходит с отрядом к маленькой станции. Выглянув на перрон, он видит беглеца, спокойно ожидавшего поезд. Христолюбов возвращается к бойцам, отдает приказания и снова выходит на перрон. Но шпиона уже нет. Христолюбов отправляется к будке, находит его там и задерживает.

Так начинается у Христолюбова жизнь пограничника. Он не любит вспоминать детство. Оно у него безрадостное. Отец пять лет провел в немецком плену и вернулся к разрушенному хозяйству. Пришлось батрачить. В 1928 году Сергей идет работать на Лысвенский завод чернорабочим. В армию он уходит уже токарем.

ЭР02989

После случая с задержанием сбежавшего шпиона Христолюбова, как инициативного командира, проявившего удивительное чутье пограничника, посылают учиться в нормальную военную школу.

Учеба ему дается не легко. У него нехватает общего образования. Он ночами сидит над книгами, стараясь не отстать, и скоро не только не отстает, но и обгоняет многих. В школе любят его за простодушие и силу. Он, как мячиками, играет двухпудовыми гирями, а рубит так чисто, что и старые кавалеристы завидуют ему.

В 1936 году лейтенант Сергей Христолюбов приезжает на дальневосточную границу. Его посылают на одну из самых дальних и глухих застав у берега моря. Он с радостью принимает назначение и устраивается с женой в маленьком домике на заставе. Он мало спит, и дни и ночи проводит на границе. Он ходит в наряд со старослужащими бойцами и очень скоро узнает, что каждый камешек, куст, выступ скалы хранит пограничную тайну, которую надо уметь распознать.

Пограничные события не заставляют себя долго ждать.

Проверяя границу по берегу моря, он замечает, что совсем близко, в советских водах, ходят японские рыбацкие шаланды. Они подходят к самому берегу и, вероятно, интересуются не только рыбой. Однажды в штормовую ночь он посылает двух бойцов на берег моря. Молния выдает шаланду, бьющуюся о прибрежные камни. До шаланды от берега метров двадцать. Пограничники бросаются в воду, ухватывают канат. Они поднимаются на суденышко и заставляют шестерых нарушителей прыгать на берег. Те пытаются сопротивляться. Тогда один из пограничников берет нарушителя за шиворот и легонько перебрасывает на землю. Другим ничего не остается, как повиноваться. Один пограничник остается с шестью нарушителями, другой бежит на заставу к начальнику. Христолюбов, выслушав рассказ дозорного, восклицает:

— А Яровой один с шестью нарушителями!

Через мгновенье во весь опор с группой бойцов он мчится к Яровому. Ночь, тьма, дождь. Он пускает коня вкарьер. Яровой—молодой пограничник. Да они, эти нарушители, могут скрутить его!

ЭР02989

И точно: у шаланды Христолюбов никого не находит. Море с ожесточением бьет судно о камни, с треском обрывая доски. Он мчится дальше вдоль границы и находит Ярового. Боец, построив нарушителей гуськом, водит их, словно на прогулке, ожидая подкрепления.

В другой раз катер хищников в тумане выскакивает на берег, девять человек команды скрываются в камышах. Боец Дейнека, увидев нарушителей, залезает на дерево и смотрит за ними. Другой пограничник бежит к начальнику. Христолюбов поднимает заставу „в ружье". С большой осторожностью, без малейшего шороха, пограничники окружают нарушителей и задерживают всех в камышах, невдалеке от границы.

Так день за днем проходят пограничные будни. Хищники боятся заходить в советские воды. Зоркие пограничные катера гонят их к берегу, а у берега бойцы Христолюбова захватывают нарушителей.

Христолюбова переводят на другую заставу. Он доволен своей работой. Непрестанное боевое напряжение закаляет его. Его сыну, родившемуся на границе, уже полтора года, ожидается другой. Ему хочется обязательно сына. Жизнь идет своим чередом. Дозоры, бессонные ночи, боевая учеба.

По ту сторону границы что-то затевают. Сергей Христолюбов смотрит в бинокль. В деревне происходят странные события. Крестьяне, собравшиеся здесь в количестве, необыкновенном для такой деревушки, с криками возмущения идут к советской границе. Кинооператоры крутят фильм, который, вероятно, будет демонстрироваться в Японии, чтобы поднимать „дух нации". Христолюбов без труда узнает в крестьянах военных людей.

Дома его ждет радость—родился второй сын. Он уговаривает жену уехать в отряд. Он уже знает—надо ожидать провокации. Целый день он проводит с бойцами на стрельбище —скоро придется показать свое искусство.

...Он лежит с группой пограничников на высоте, устремив взгляд в темноту. Ветер клонит к земле кусты. Временами обрушивается дождь. Грозные облака закрывают небо. Ветер разрывает мрачный фронт туч, и Христолюбов видит хвост Большой медведицы. „Время за полночь",—думает он.

ЭР02989

Сегодня посланная им разведка наткнулась на японцев, перешедших советскую границу. „Рекс“ схватил одного из них за горло и придушил, остальные скрылись, пограничники не хотели стрелять на манчжурскую территорию.

Младший командир Чернопятко сообщает Христолюбову: „Японцы перешли границу, они окружают нас“.

— Пусть подползут ближе, — спокойно говорит лейтенант, — ждите моего сигнала.

Ночь становится непроглядной. Японцы, любители коварных ночных налетов, лучшего времени не могут желать.

Христолюбов слышит легкий шорох впереди себя. Самурай ползет прямо на него и вдруг бросается ему на спину, лейтенант подбрасывает самурая высоко в воздух и в воздухе пристреливает его. Тело врага грузно падает под откос.

Ракета освещает густые цепи японцев. Они сплошными рядами окружают высоту. Очевидно, они ставят себе цель — живьем захватить горсточку бойцов.

Повар заставы Кухарин лежит в секрете. Японец лезет на него и наталкивается на штык. „Совет Союза!“—в ужасе восклицает он.

— Да, Совет Союза, — говорит повар и штыком прикалывает самурая. Но сюда ползут еще четверо. Повар бросает гранату.

Так начинается бой на высоте Заозерной. В темноте, по одним лишь силуэтам, открывает Христолюбов огонь. Враг всей силой обрушивается на левый фланг маленькой горсточки советских пограничников. Пулеметчики Зуев и Кошкин безостановочно ведут огонь. Силуэты японцев подпрыгивают в воздухе. Совсем близко к нулемету подползают враги. В это время, тяжело хлопая крыльями, поднимается фазан. „Храбрые“ самураи откатываются назад. Дух „непобедимой императорской“—дурно пахнущий сивухой—бросает их вновь на пограничников. Тогда вскакивает Сергей Христолюбов:

— За родину, за Сталина, за социализм! — кричит он.

И голос его покрывает шум ветра, грохот выстрелов. Бойцы со штыками бросаются на врага.

Враги не выдерживают неумолимой силы пограничного штыка.

ЭР02989

Через несколько минут после героической контратаки пограничников японская артиллерия открывает по ним ураганный огонь. Один из снарядов разбивает ручной пулемет, а Христолюбов получает первые ранения осколком в голову и грудь. Но он словно не замечает ран, и когда японцы, пользуясь поддержкой своей артиллерии, снова идут в атаку, Христолюбов вновь поднимается и увлекает за собой бойцов со штыками на врага.

Его ранят в ногу и грудь, ему делают перевязку, и он опять остается в строю, продолжает командовать. Но теперь уже легче: подоспел на помощь со своей группой бойцов лейтенант Терешкин.

Начинает светать, сопку окутывает туман. Японцы ведут непрерывный пулеметный, гранатный и артиллерийский огонь. Они не теряют надежды захватить пограничников, подползают совсем близко. И в третий раз идет Христолюбов со своими бойцами в штыковую атаку. Пуля пробивает ему руку.

— Куда стреляете, сюда идите, здесь свои, — кричат белогвардейцы, переодетые в японскую форму.

Это не смущает бойцов. Они не поддаются на провокацию, и враг опять в панике катится вниз.

Рана на ноге Христолюбову кажется ничтожной. И он в четвертый раз идет в атаку.

Наш штык, как и во времена великого русского полководца Суворова, оказывается удивительным молодцом. Больше, чем гранат и пуль, боятся его самураи. На штыковую атаку у них „духа" явно недостает.

В 6 часов утра шальная пуля ударяет Христолюбова в голову. Чувствуя, что теряет сознание, он отдает последние приказания: — Продолжать огонь, за меня остается Чернопятко.

Лейтенант Терешкин тоже получает несколько тяжелых ран в грудь. Когда Христолюбов приходит в себя, в здоровой руке он обнаруживает револьвер. Но теперь он уже может оставить его. Обоих раненых лейтенантов бойцы, отстреливаясь от врага, вынесли из-под огня. И он опять погружается в забытье.

...Очнувшись, Христолюбов слышит, как профессор-хи-

ХКБ 10.
ГАВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЭР02989

рург, извлекавший из него осколки гранат и пули, говорит ассистенту:

— Ничего подобного я не видел. У него 40 ран. И говорят до последней минуты оставался в бою. 40 ран и все же будет жить. Богатырь!

Лейтенант Сергей Христолюбов выписался из госпиталя и уехал повидать жену и детей. Врачи обрадовали его: после курорта он снова может вернуться на границу.

Снова на границу к боевым товарищам! Снова тихие, то ясные, то сумрачные, но всегда грозные, боевые, напряженные ночи. Он представляет себе заросший травой двор заставы: сторожевые ласковые псы, дикие фазаны, гуляющие вместе с домашними курами у кухни. Он, конечно, отказался бы от курорта, но ведь не послушают его. Приказано ехать в Сочи, а приказ надо выполнять.

Он стоит у окна вагона и смотрит на чудесный и родной край, за который он проливал кровь.

Подвиг лейтенанта Христолюбова, его бойцов даже на героическом фоне отпорных боев у озера Хасан достоин изучения военными историками, психологами, „инженерами душ"—философами.

Маленькая горсточка пограничников, окруженная со всех сторон, в темную ночь ведет бой с многими сотнями японцев. Враг применяет артиллерию, станковые пулеметы, враг пытается раздавить храбрецов своей численностью, но 6 часов идет бой, и японцы, теряя сотни убитыми, неизменно катятся вниз. Они не могут вынести меткого огня, штыковых контратак. Героями командует весь израненный, но не падающий духом, непартийный большевик лейтенант.

Народы Союза тысячелетиями хранят в памяти свои легенды о чудо-богатырях, могучих и бесстрашных. С кем еще, как не с богатырями древности, можно сравнить наших пограничников, достойных сыновей родины? Сочетание несравненных моральных сил, веры в победу коммунизма с боевым искусством и дает тех витязей, о которых еще не сложены легенды. И подвиги их — живое свидетельство тому, что выросло, закалилось, окрепло на советской земле великое и могучее племя непобедимых чудо-богатырей. И подвиги их по-

ЭР02989

рука тому, что это племя пронесет знамя Ленина—Сталина над всеми океанами и материками. И осуществит оно самые давние мечты народов — уничтожит угнетателей и даст счастье порабощенным.

Лейтенант Сергей Христолюбов—один из богатырей этого племени.

„Тихоокеанская звезда"

В. ЧЕРНЫШЕВ

ЯПОНЦЫ ВТОРГАЮТСЯ НА СОВЕТСКУЮ ЗЕМЛЮ

В ночь с 30 на 31 июля 1938 года

Команда „в ружье" застала пограничников на своих местах. Быстро, как птицы, боевые кони донесли их к последней пяди советских рубежей,—туда, где пограничная черта делит не только землю, но и жизнь.

Это было перед вечером. Солнце уже скрылось за горизонтом. Туман заслонил просторы, окутал серой дымкой лощины, сопки, разостлался скатертью по низинам, падям, распадкам.

Заняв левый скат высоты для обороны, лейтенант товарищ Христолюбов выслал разведку. Вместе с младшим командиром товарищем Чернопятко четыре бойца отправились в тяжелый и опасный путь. Их сопровождала служебная собака „Рекс". От кочки к кочке, от камня к камню, ползком пограничники миновали открытое место и спустились в камыши.

„Рекс", стиснув зубы, поднял голову. Высоко посаженные уши дрогнули. Вслушиваясь в обманчивую тишину ночи и вбирая в себя ее неуловимые запахи, овчарка с быстротой молнии сделала прыжок вперед. Раздался хрип, стон. Вечернюю тишину прорезали четыре выстрела. Все это произошло в одно мгновение. Наши разведчики подобрались вплотную к японским разведчикам. Первый самурай был задушен овчаркой, четыре других, отстреливаясь, побежали к границе.

Не успел товарищ Чернопятко доложить о случившемся, как японо-манчжурские налетчики открыли ружейно-пулеметный огонь по нашей высоте. Количественно превосходя наши

ЭР02989

силы в несколько раз, самураи повели наступление на советских пограничников с трех сторон.

Советская сторона все еще молчала...

Пограничники ждали удобного случая, чтобы наверняка поразить как можно больше врагов. Подпустив японцев поближе к высоте, лейтенант товарищ Христолюбов бросил две световые гранаты. Яркий сноп огня осветил черные цепи врага.

Этот миг не пропал бесследно. Снайпер товарищ Егоркин пустил меткую пулю прямо в сердце бегущего впереди офицера.

—Не суй свое рыло в советский огород!..

Застава упорно обороняла границу. Ружейный огонь запрыгал с места на место и сразу же определился заградительной стеной вдоль границы. Пулеметчики Чернов, Чернопятко и Зуев раскаленной лавой свинца уничтожали врага. Лейтенант Христолюбов бил гранатами на выбор, не торопясь, только тогда, когда отчетливо были видны очертания вражеской тени.

Самураи не выдержали уничтожающего огня. Первая атака на советскую высоту окончилась неудачей.

Надвигалась ночь. Японо-манчжуры не хотели уходить с советской земли. Озлобленные первой неудачей, они открыли артиллерийский огонь и стали забрасывать гранатами неустрашимых защитников социалистических границ.

Первый взрыв японского снаряда потряс землю. Больно отдался этот взрыв в сердцах пограничников. Велика была ненависть к врагу, руки крепче сжимали винтовки, зорче становился глаз.

Осколками беспрерывно рвущихся гранат уже ранен лейтенант Христолюбов, ранены Зуев, Чернопятко. Алая кровь обагрила родную землю. И храбрецы не оставляли поля боя— они готовили ответный удар.

И вот все затряслось и задымилось. Сухой и тяжелый ливень советского свинца обрушился на головы охотников до чужой земли.

Враг был многочисленен. Буквально сплошной стеной самураи шли на каждого бойца. Схватка идет почти врукопашную.

Когда лейтенант Христолюбов нагнулся в окоп за очередными гранатами, на его сильную спину, как кошка, бросился

ЭР02989

японский офицер. Расправив свои богатырские плечи, пограничник подбросил самурая вверх и, не дав ему упасть живым на советскую землю, пристрелил в воздухе насмерть.

И хотя клещи врагов сжимались все теснее, сопротивление пограничников не уменьшалось...

„Высоту не сдавать!"

Это было единственное желание наших бойцов.

И они не сдали высоту! На помощь группе Христолюбова поспешил с пулеметом лейтенант Терешкин. Это внесло новую энергию и боевой дух в ряды обороняющихся.

...Сквозь град пуль и взрывы гранат, как призывной колокол, прозвучал голос товарища Христолюбова:

—Да здравствует Сталин! Вперед!

Слова лейтенанта подхватили бойцы, и мощное „ура" раздалось гулким эхом.

Дрогнула самурайская стая. Решив, что советские пограничники пошли в контратаку, они поспешно откатились назад.

Вторая атака японцев отбита так же, как и первая...

В это время товарищ Христолюбов был ранен вторично. Осколки гранат попали ему в грудь и в ногу. Но силы не изменяли храбрецу. Он попрежнему четко руководил полем боя.

Выносливость и отвага командира вселяли в бойцов бодрость и силу. Проникнутые любовью к своему лейтенанту, они то и дело уговаривали его отойти в тыл.

—Ничего. Полежу, отдохну, а вы бейте налетчиков в самое сердце! За око рвите два ока, а за зуб—целую челюсть.

Неравная борьба продолжалась всю ночь, до рассвета. У пограничников уже кончались боевые припасы. Об этом узнал Христолюбов. И он снова вернулся на огневой рубеж. Комсомолец, помощник старшины товарищ Слободюк, дважды раненый, подбадривал соседей:

—Патронов нехватит—доберусь до японцев руками, штыком!..

С рассветом налетчики усилили гранатометный и артиллерийский обстрел. Во время перестрелки был ранен в третий раз лейтенант Христолюбов.

Руки и ноги уже не повиновались его воле, силы медленно изменяли ему. Но он все еще четко отдал приказ о назначе-

ЭР02989

нии своим помощником товарища Чернопятко и только теперь, истекая кровью, отказавшись от помощи, уползал в тыл.

Покидая поле боя, командир был уверен, что бойцы без него не сдадут высоту.

Когда Христолюбов уже дополз до палатки, где был перевязочный пункт, поток горячего воздуха вдруг подбросил его,—осколок вражеской гранаты еще раз ударил героя.

Истекая кровью, большевик Христолюбов не хотел сдаваться смерти. Почему-то сейчас вспомнил он разговор перед боем с коммунистом Терешкиным.

—Я иду в бой непартийным большевиком,—говорил тогда Христолюбов.—Вернусь с границы—считайте меня в партии Ленина--Сталина.

Христолюбов хотел подняться и вновь вернуться в бой. Но силы ему изменили. В это время лейтенанту донесли: на помощь пограничникам пришли войска.

Так начинался пограничный бой у озера Хасан.

„Тревога"

Лейтенант С. ХРИСТОЛЮБОВ

БОЙ ЗА ВЫСОТУ ЗАОЗЕРНУЮ

В ночь с 30 на 31 июля 1938 г.

Это было в самом начале событий. Наша разведка во главе с младшим командиром товарищем Чернопятко, проверяя линию границы, обнаружила на советской земле группу японцев.

С нашей разведкой была собака „Рекс". Завидя самураев, она вцепилась одному из них в горло, и тот упал замертво. Остальные бросились бежать. Но вскоре на нашу разведку набросилась новая группа японцев, численностью превосходившая во много раз первую.

Младший командир Чернопятко доложил по команде, что японцы нарушили государственную границу и заходят с тыла, наступают на высоту Заозерную.

ДВГНБ

ЭР02989

Японцев было много. Они окружили нас и повели наступление с тыла, параллельно границе, и с фронта, одновременно ведя по высоте Заозерной сильный ружейно-пулеметный огонь.

Во все время этого боя мы проявляли выдержку: придерживаясь пограничного режима, не выходили за линию границы. Через некоторое время японцы с криком „банзай" пошли в атаку.

Самое сильное наступление они повели у левого окопа, откуда по ним стреляли отличники-пулеметчики товарищи Зуев, Кошкин и связной товарищ Захаров. Я подал команду открыть огонь вдоль границы. Мы заставили противника замолчать. Видимо, заметив, откуда стреляют, японцы открыли артиллерийский огонь. Снаряд разорвался у нашего окопа. Ручной пулемет был совершенно разбит, а осколками ранило меня, Зуева и Чернопятко.

После этого самураи осмелели и повели наступление, поддерживаемое ручными и станковыми пулеметами. Они забрасывали нас гранатами. Вдруг мы услышали крик, направленный в нашу сторону:

—Куда стреляете? Свои идут...

Это нас провоцировали белогвардейцы, которых было немало в рядах сбродного японского войска. Гнусные провокаторы надеялись смутить бойцов. Надо думать, что японское командование осталось недовольно провалом своих наймитов: пограничники ответили на провокацию сильным огнем и отразили несколько атак врага.

Много самураев скосили тогда наши острые и меткие пули. Но японское командование людей не жалело. Уничтожим одну группу,—подходит другая, третья... А наше подкрепление все еще не могло подойти к нам, так как японцы обстреливали из артиллерии подступы.

Нужно было действовать решительно, чтобы заставить врагов отступить.

Пулеметчикам и стрелкам я подал команду „огонь". С громким криком: „За товарища Сталина!", „За Сталинскую Конституцию!", „За родину!", „Ура!" мы бросились вперед. Горячая преданность любимому вождю и родине придавала нам силы. Наверное, в то время, наполненные этим чувством, мы действительно были страшны в своем гневе, потому что

ЭР02989

враг в панике отступил. Мы видели это хорошо и считали вполне нормальным, что 400 японских солдат с офицерами отступают под натиском 70 советских часовых.

В 2 часа ночи, находясь в окопе, я был ранен пулею в грудь и осколками снаряда—в ногу.

Боец Тараторин перевязал раны, и я продолжал командовать боем. Всю ночь мы отражали атаки вражеских солдат. Приходилось стрелять не только на дальнее расстояние. Мы били врага в упор. С диким воем откатывались назад японские цепи. Раненые пограничники продолжали бить врага, не желая уходить с поля боя. Это был героизм, на который способны лишь люди сталинской закалки.

Когда рассвело, японцы снова начали сильный артиллерийский огонь. Тяжело был ранен мой ближайший товарищ, боевой лейтенант коммунист Терешкин. Вскоре вражеская пуля пробила навылет мою руку, через несколько минут новая пуля ранила в голову. За одну ночь я получил пять ран, тело ныло от засевших под кожей осколков снарядов и гранат. Но пока мы можем двигаться, пока сердце бьется, нужно уничтожать врагов нашего народа.

Я крикнул героям-бойцам:

—Товарищи, ни за что японцев не пускать на высоту!

—Есть!—ответили бойцы.

Бой продолжался. Героизм наших бойцов не поддается никакому описанию. Пулеметчик Зуев получил две раны, но, крепко стиснув зубы, преодолевая боль, продолжал истреблять наседавших врагов. Рядом, хладнокровно заряжая винтовку новыми обоймами, метко бил снайпер Егоров. Без суеты, с изумительной выдержкой защищали свою родину славные пулеметчики Ермолаев, Цибин, Пешков, Жиленков.

В эту ночь смертью героев пали бесстрашные пограничники Тараторин, комсомолец Слободюк, который, получив несколько ран, продолжал драться до конца.

За все время боя я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь даже из очень тяжело раненых пограничников стонал. Кто мог еще хотя бы ползать, тот рвался в бой за родину, за партию, за Сталина. Каждому раненому немедленно оказывалась помощь.

ЭР02989

Совсем иную картину представлял лагерь противника. На нас шла пьяная, оголтелая самурайская свора. Громко кричали и плакали раненые солдаты, взывая о помощи. Но никто не спасал их. По ним бежали, их топтали обезумевшие варвары...

Наконец, к нам подошло подкрепление. Свежие бойцы обрушились на врага. Здоровые пограничники остались на линии огня. Раненые отползли на перевязку. Каждый искренне жалел, что раны на время вывели его из строя; но зато мы были довольны, что своим метким огнем, гранатами и острыми штыками уничтожили немало налетчиков.

„Тревога"

Пулеметчик ЗУЕВ

МЫ БРАЛИ ПРИМЕР С КОМАНДИРОВ

Мы вместе с лейтенантом товарищем Христолюбовым находились в окопе, когда на левом фланге послышался шорох. Лейтенант приказал дать ракету, но увидеть ничего не удалось.

Когда мы пустили вторую ракету, стало видно, что японцы идут в атаку. Нас в окопе было всего четыре человека, но мы встретили самураев пулеметным огнем и гранатами так, что они на некоторое время затихли. Все же решено было отступить выше, в следующий окоп. Отсюда мы ходили в атаку и снова отбили японцев.

После затишья самураи, пользуясь огромным количественным перевесом, стали занимать нашу сопку. Будучи сильно раненым в ногу, я лежал почти без чувств, когда услышал голос лейтенанта товарища Христолюбова. Он спрашивал, кто еще может стрелять из пулемета. Я вызвался и сразу получил приказание стрелять в упор по левому флангу.

В окоп падали японские гранаты. Очень часто бойцы ловили их налету и ими же без промаха разили самураев. Но многие гранаты рвались, и осколками одной из них ранило меня и лейтенанта. И у меня и у него это было уже второе ранение.

ЭР02989

Горячий был бой! Подкрепление к нам подойти не могло, потому что японцы обстреливали из артиллерии все прилегающие к окопам пути, а у нас артиллерии не было: мы, пограничники, по международным правилам не можем ею пользоваться.

Но советские пограничники никогда не падают духом! Мы вспоминали, что за нами вся страна, что вот сейчас, наверное, весь народ думает: „Ну, как там наши пограничники, выдержат или нет?"

Подумаешь так, нажмешь на ручку пулемета,—видно, как падают обнаглевшие самураи.

Бойцы все время рвались вперед. Мы несколько раз ходили в атаку. Отобьем японцев, лежим в окопе, зорко смотрим вокруг и посмеиваемся, до чего самураи трусливы! Случалось так, что мы сходились с ними близко. Как крикнем во весь голос, так они сразу оружие бросают и бегут.

Наши пограничники вели себя бесстрашно. Мы всегда брали пример с наших командиров. Лейтенанты товарищи Терешкин и Христолюбов показывали нам образцы мужества и стойкости. Тяжело раненые, они не уходили из боя и вели нас вперед.

„Тихоокеанская звезда"

Красноармеец БАГРОВ

СКВОЗЬ ВРАЖЕСКОЕ КОЛЬЦО

Вся масса самураев, лавиной сунувшаяся на советскую землю, была пьяная. Японцы кричали „банзай", а потом по-русски „ура". Сотни солдат падали убитыми и ранеными от нашего уничтожающего огня. С пьяным равнодушием они шли на верную смерть.

Отрезанный от своих, я лежал, притаившись, в камнях. В это время ползли на высоту группы самураев. Уйти мне незамеченным было нельзя, но меня выручил мой верный друг—собака „Джек". „Джек" набросился на одного самурая и начал его грызть, остальные самураи поспешили японцу на помощь. Я остался сзади, поспешно отполз в сторону за камни

ЭР02989

и оттуда бросил две гранаты в столпившихся японцев. Послышались стоны раненых. Воспользовавшись паникой среди японцев, я прорвался сквозь вражеское кольцо к своим.

Особенное восхищение бойцов вызвал старший лейтенант нашего отряда товарищ Сидоренко. Это подлинный герой, мужественный и решительный командир. Три раза товарищ Сидоренко водил своих красноармейцев в атаку, уничтожая фашистские войска, отстаивая родную советскую землю. Товарищ Сидоренко вел бойцов в бой под лозунгом:

„Вперед, товарищи, на штурм захватчиков, докажем преданность родному Сталину!"

И бойцы штурмовали врагов, громили их смело и беспощадно. Такими же геройскими командирами в бою показали себя лейтенанты Христолюбов и Терешкин. Будучи ранеными, они до последнего момента руководили боевыми операциями.

„Тревога"

Красноармеец МЕДВЕДЕВ

МЕТКИЕ ВЫСТРЕЛЫ СНАЙПЕРОВ

Когда японо-манчжуры начали наступление, нас рядом лежало три снайпера. В упор меткими выстрелами мы поражали десятки фашистских захватчиков. Враги сунулись лавиной на нас. Много их падало от метких выстрелов, но они бежали вперед по трупам убитых и раненых своих солдат. Когда я израсходовал последние патроны, меня ранило, тогда я бросил в группу атакующих самураев пять гранат и решил выбраться из вражеского кольца к озеру. В этот момент меня заметил под укрытием один самурай и, оскалив зубы, бросился с обнаженным палашом.

Я выждал, пока он приблизится на несколько шагов, рванулся вперед, ударил врага наотмашь кулаком. Самурай свалился под скалу. Я пополз сквозь заросли, пробрался к озеру, перевязал рану и пустился через озеро вплавь на противоположный берег, где наши громили врагов уничтожающим огнем.

ЭР02989

Меня самураи заметили, и, когда до берега осталось плыть около 100 метров, я, услыхав, что по мне открыли огонь из пулемета, нырнул.

На берег приплыл благополучно и вскоре был направлен на перевязочный пункт.

Рана моя скоро заживет, и я снова встану в строй и буду защищать нашу счастливую жизнь, созданную великим Сталиным.

„Тревога"

Майор П. СОЛЯНОВ,
командир Н-ского полка 1-й Отдельной Краснознаменной армии

ШТУРМ СОПКИ ПУЛЕМЕТНОЙ

1—2 августа

С быстротой молнии облетела бойцов и командиров нашего полка весть о вторжении японских захватчиков на советскую территорию. Возмущению не было границ.

У всех нас было одно стремление—как можно быстрее притти на помощь пограничникам, геройски защищавшим высоту Заозерную.

Подняв полк по тревоге, мы двинулись к месту, где наши пограничники вели бои. Итти пришлось в очень трудных условиях. От прошедших недавно дождей всюду образовались непролазные лужи.

Учитывая, что противник имел возможность просматривать с высоты Заозерной нашу территорию, мы решили итти ночью. Движение происходило при абсолютной темноте. Полк прекрасно совершил ночной марш. Командиры и бойцы умело применяли светомаскировку, двигались как можно тише, не подавая никаких признаков, которые помогли бы нас обнаружить.

Сразу же после прибытия к месту боев мы оказали помощь пограничникам: приостановили дальнейшее продвижение наглых захватчиков. Мы заняли подножие высоты Заозерной напротив сопки Пулеметной.

ЭР02989

Несколько слов об этой сопке. Она прилегает к Заозерной слева. Противник укрепил ее множеством пулеметов. Как оказалось впоследствии, пулеметных гнезд было больше сорока. Отсюда и возникло наименование сопки: „Пулеметная". Так мы называли ее все дни боев в районе озера Хасан. Это название осталось за ней и сейчас.

Укрепив сопку Пулеметную, противник имел более выгодные позиции, чем мы. Он легко просматривал всю нашу территорию, держа ее под усиленным пулеметным и артиллерийским огнем, прикрываясь высокой и густой травой. В таких условиях нам и пришлось двигаться к исходному положению.

Неоценимую услугу оказали нам лопаты, которыми были снабжены все бойцы. Окопавшись, мы повели разведку сил противника и его уязвимых мест.

В 22 часа 1 августа был получен приказ, в котором полку ставилась боевая задача. С 9 часов 2 августа полк должен был начать наступление, занять высоту 62,1 и в дальнейшем достигнуть южных скатов высоты Заозерной.

Собрав командный состав, я произвел рекогносцировку, после чего выслал конную и пешую разведки.

Батальоны занимали исходное положение ночью. Командиры батальонов действовали прекрасно. Они выбрали и заняли лучшие на этой местности позиции.

Утром после артиллерийской подготовки я отдал приказ двигаться вперед. Не прошло и получаса, как высота 62,1 была нами занята. Туда же я перенес свой командный пункт.

Противник обрушился на нас сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Он располагал в этот период боя большим количеством огневых средств. Со стороны сопки Пулеметной у него действовало 36 пулеметов, а из-за реки Тумень-Ула—до 20 пулеметов. Артиллерийские средства противника—до 2 дивизионов. Первый дивизион находился в районе озера Хамакова, второй—у озера Цианцы. Кроме того на железнодорожной линии действовал его бронепоезд.

Под сильным огнем противника батальоны залегли. Вскоре мы получили дополнительный приказ, в котором говорилось

РНБ

ЭР02989

о трех налетах, совершенных нашей авиацией. В 16 часов были произведены два налета. Мы были свидетелями превосходного бомбометания нашими летчиками.

Батальоны заняли исходное положение. Перед каждым из них я поставил задачу. Третьему батальону было приказано действовать на правом фланге со стороны озера Хасан (рубеж—у кустов) с дальнейшим броском к укрепленной огневой точке противника. Второму батальону—наступать на сопку Пулеметную, выбить оттуда противника и выйти к южному скату высоты Заозерной. Первый батальон должен был действовать за левым флангом второго батальона по долине реки Тумень-Ула. Развернувшись из-за левого фланга второго батальона, он должен был охватить сопку Пулеметную слева и продвигаться вперед.

После налета нашей эскадрильи штурмовиков на противника я дал сигнал атаки. Метров до 400 мы шли, не будучи обстреливаемы противником. Японцы, видимо, думали подпустить нас на близкое расстояние, а затем расстреливать в упор. Их замысел мы разгадали. Японцы просчитались. Они забыли, что имеют дело с красноармейцами, выпестованными большевистской партией.

Командиры и бойцы проявили решительную быстроту в движении — вплоть до штурма. Японцы открыли ураганный огонь артиллерии, пулеметов, винтовок. Наша пехота под прикрытием станковых пулеметов и огня противотанковой артиллерии, которая била прямой наводкой, броском пошла в атаку.

Японцы атаки не приняли. После гранатного боя противник отошел. Сопка Пулеметная была нами взята.

В этом бою многие бойцы и командиры проявляли разумную инициативу, быстро и правильно принимали решения в самой сложной обстановке.

Второй батальон был задержан пулеметным огнем противника. Командир первого батальона, старший лейтенант товарищ Змеев, не дожидаясь приказа, быстро принял соответствующее моменту решение. Его батальон обошел сопку слева и атаковал противника. Этим самым он обеспечил продвижение второго батальона вперед.

ЭР02989

Разведывательное подразделение, действовавшее правее сопки, натолкнулось на множество укрепленных точек врага. Командир товарищ Скрыпченко сосредоточил по ним пулеметный огонь. Остальной состав роты, хорошо маскируясь, незаметно пробрался в тыл японцев и атаковал их. Враг был уничтожен.

Замечательно действовали наши славные пулеметчики. Командир отделения станковых пулеметов товарищ Романов увидел, что одна хорошо замаскированная снайперская точка противника мешает продвижению нашей пехоты вперед. Он быстро сменил позицию и дал из двух станковых пулеметов очереди в сторону снайперской точки. Противник замолчал.

С высоты Заозерной прямой наводкой стреляли по нас пушки, установленные между скал. Они сильно мешали нам. Командир пулеметного взвода лейтенант товарищ Евдокимов, собрав семь пулеметов, ползком выдвинул их на бугор, предварительно рассчитав прицел, и открыл огонь по пушкам. После нескольких орудийных очередей японские пушки замолчали.

Во время наступления неоценимыми оказались противотанковые пушки, приданные нашему полку. Прямой наводкой они уничтожали огневые точки японцев. Рядом со мной находилось одно из противотанковых орудий. Оно вывело из строя пять японских пулеметных точек.

Можно привести десятки примеров прекрасных, инициативных действий бойцов и командиров. Их было много в каждом батальоне, в каждой роте, в любом взводе и отделении.

Тактически грамотно действовал командир 3-го батальона товарищ Разодеев. В любых условиях боя он отдавал четкий, грамотный приказ, ясно ставил подразделениям задачи. Действуя на правом фланге, он четко и хорошо решил задачу флангового удара. Сосредоточив на первом рубеже часть пулеметного огня и привлекая этим сюда огневые средства противника, он в то же время создал левее ложное направление удара, а с главными силами повел наступление значительно правее, ударив во фланг противника. Японцы, ожидавшие наступления слева, были захвачены врасплох и уничтожены. Мало кто из них успел уйти.

ЭР02989

Бои у озера Хасан показали непобедимую силу оружия Красной Армии, мужество красных воинов, тактическую грамотность наших командиров.

„Красная звезда"

Г. ДВОРЕЦКИЙ

СОПКА ЗАОЗЕРНАЯ ОТБИТА!

6—7 августа 1938 года

Надо быть великим художником, надо умело владеть лучшими красками, чтобы передать во всей полноте картину героических битв бойцов, командиров и политработников Дальневосточного Краснознаменного фронта за сопку Заозерную.

6 августа на многие годы останется в памяти японских захватчиков. В этот день они испытали силу нашей авиации, огневую мощь артиллерии и могучие удары нашей доблестной пехоты.

Во второй половине дня наша авиация предприняла ряд бомбардировок по огневым точкам захватчиков. Бомбардировка сопровождалась интенсивной артиллерийской подготовкой. После бомбардировки и артиллерийской подготовки пехотные части перешли в энергичное наступление.

Напав на пограничников самым бандитским образом, японские самураи возвели на нашей сопке укрепления, расставили огромное количество пулеметов. Но разве может найтись такая сила, которая могла бы устоять против нашей авиации, отважных танкистов, неуязвимых артиллеристов и бесстрашной героической пехоты?

Такой силы в мире не существует! С жаром рвались бойцы в бой за сопку Заозерную, с желанием немедленно очистить советскую землю от поганых японских захватчиков.

Между частями, подразделениями было широко развито соревнование за право первым установить на Заозерной снова советский флаг.

Честь выбить японских самураев с нашей земли выпала на долю бойцов части, которой командует капитан Привалов.

С небывалой радостью, с величайшим боевым подъемом,

РГВГНФ

ЭР02989

после замечательных действий бомбардировочной авиации, от которой самураи и сейчас не пришли в себя, наша пехота и танки перешли в решительное наступление. Наступление велось фланговое. Слева наступали подразделения командиров Бравоева, Кулькова. Поддерживал их пулеметным огнем Сапельцев.

Перед выступлением во всех подразделениях политруки провели беседы. И вот роты пошли в бой.

С величайшим подъемом шли в бой бойцы роты, которой командует старший лейтенант товарищ Сухов.

— Мы горим единым желанием — проучить обнаглевших японских самураев и немедленно очистить от них нашу советскую землю, — заявил помощник командира взвода товарищ Журавлень.

Бойцы неуклонно движутся вперед. Они переползают от укрытия к укрытию. Впереди роты — старший лейтенант товарищ Сухов, вместе с ним политрук товарищ Катков. Своим личным примером они воодушевляют бойцов.

Наступление велось под пулеметным и ружейным огнем самураев. Пулеметчик Лагунов нащупал пулеметные гнезда противника и своим метким, сокрушительным огнем заставил их замолчать.

Но вот на глазах у бойцов выходит из строя близкий друг и товарищ — политрук Катков. Еще сильнее разгорается чувство ненависти и гнева у красноармейцев. Жестоко отомстить за пострадавших товарищей, немедленно стереть с лица советской земли наглых провокаторов! — такой призыв прокатывается по рядам бойцов.

Рота готовится к атаке.

— За Сталинскую Конституцию, за великое дело Ленина — Сталина, за родину-мать вперед! Ура! — несется по рядам.

Бойцы бросаются в атаку, уничтожая врага пулей, гранатой и штыком. Враг не в силах сдержать натиска. Он бежит, охваченный паникой и страхом.

Героически сражается в первых рядах бойцов Дальневосточного Краснознаменного фронта младший командир товарищ Журавлень. Он даже не обратил внимания на сильный ожог в левой руке. И только тогда, когда полилась струей алая кровь, он понял, что ранен.

ЭР02989

—Я огорчен, что выбыл из строя,—сказал товарищ Журавлень,—но вместе с тем я полон гордости и радости за то, что мне удалось принять участие в освобождении нашей территории от бандитских налетчиков—японских самураев...

Прекрасно действует пулеметный взвод, которым командует старшина товарищ Миленьчук.

Четко и спокойно подает команду на открытие огня командир отделения товарищ Никулин. Уверенно направляет огонь на врага наводчик товарищ Флагин, который после нескольких очередей заставляет пулеметы противника навсегда умолкнуть.

Все ближе и ближе подбираются бойцы к засевшим самураям. Героическую пехоту ничто не может удержать: ни ураганный огонь, ни крутой подъем на сопку.

Впереди — проволочное заграждение. Простая цинковая проволока...

— Эх, гады! Даже колючей проволоки не имеют, а суют поганый нос на нашу территорию! — восклицает старший лейтенант товарищ Надзуга.

Он подползает к проволоке, под огнем прорезает проход для пехоты. Бросается вперед. Ранен ручной пулеметчик. Пулемет умолк. Не долго думая, к пулемету бросается стрелок Плотников. Он сразу же открывает губительный огонь.

На Плотникова с фланга нападает отделение самураев. К нему на помощь спешит командир отделения Захаров. Бросив гранаты, он уложил на месте четырех; остальные самураи в панике обращаются в бегство.

Завязывается рукопашный бой. На красноармейца товарища Драгина набрасываются до десятка самураев. Лежа товарищ Драгин расстреливает в упор четверых, а остальных встречает с винтовкой наперевес. Разгорается неравный бой. Вот Драгин сильным ударом опрокидывает бегущего впереди самурая.

Работая штыком и прикладом, Драгин устилает вокруг себя землю трупами. Он уже получил четыре штыковых раны, но попрежнему крепка его рука, сильны удары.

На помощь к Драгину спешат его товарищи. Оставшиеся в живых японцы бегут. Драгин их нагоняет и уничтожает.

ЭР02989

Только теперь, истекая кровью от ран, Драгин опускается на землю. Несмотря на боль, он ласково провожает взором товарищей, преследующих бандитских налетчиков...

Среди выстрелов в предутреннем рассвете то и дело слышатся лозунги: „За родину!", „За великого Сталина, вперед! Ура!.."

Всю ночь длился бой. С боем отвоевывалась каждая пядь советской земли. К утру атакующие достигли вершины сопки. Когда загорелась заря, на сопке взметнулся алый советский флаг, который установил замполитрука товарищ Семенов.

Какое величественное зрелище! Идет бой, а на вершине сопки товарищ Привалов собирает командиров и бойцов. Его звучный голос гремит:

— Товарищи! Сопка Заозерная взята. Умрем, но не уйдем! Ура любимому Сталину, Ворошилову!

Завидев гордо реющий красный флаг, японские самураи озверели, как бешеные собаки. Они стали карабкаться на сопку. Офицеры с клинками наголо, с воем „банзай" гонят свою пехоту.

Вот карабкаются, как кошки, до двух взводов пехоты. Наши бойцы подпускают их близко, потом забрасывают ручными гранатами. С воем и визгом катятся вниз уцелевшие японцы. Большинство остается на месте убитыми.

Укрывшись за скалами, бандитские налетчики продолжают обстрел гранатами. Из-за выступа скалы группа офицеров посылает отборную брань на русском языке по адресу красноармейцев. Старшина товарищ Миленьчук, замполитрука товарищ Сазыкин бросаются к скале, гранатами убивают трех офицеров и разгоняют засевшую пехоту.

Осколками гранаты легко ранен капитан товарищ Привалов.

Велика ненависть красного командира к врагам своей родины. Товарищ Привалов набирает гранат, подползает к укрывшимся бандитам и уничтожает их.

Вот мелькнула за камнем фигура японского офицера. Туда бросается лейтенант товарищ Михайлов. Из пистолета он убивает наглого самурая.

Ряд контратак, предпринятых японцами, разбивается, как о неприступную скалу. Самураи бегут, в страхе оставляя на поле боя сотни трупов, оружие и снаряжение.

ЭР02989

Сопка взята. На вершине ее гордо реет советский флаг. Никакая сила не сумеет сорвать его!

У флага по очереди несут почетную боевую вахту. Первыми несли ее бойцы Карпов и Вахрушев.

Советская земля очищена от бандитских самураев...

„Тревога"

З. АБРАМОВ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Обагренное кровью, изрешеченное пулями, влажное от непрерывных дождей, гордо развевалось над высотой Заозерной красное знамя.

Вокруг него среди острых камней, на скалистой вершине горы, тесным кольцом сгрудились наши бойцы.

Каждому хочется быть поближе к знамени, чтобы твердой рукой защитить его от посягательства японских захватчиков.

Вчера с этим знаменем шли в атаку. Оно появилось здесь за несколько часов до штурма высоты. Рабочие и колхозники Посьета прислали его вместе с подарками бойцам, находящимся на передовой линии огня. Политрук Артем Панченко, мужественный рабочий, слесарь-коммунист, вручая красное полотнище комсомольцам Смирнову и Гайдай, сказал:

— Сделайте древко покрепче. С этим знаменем мы идем в атаку.

Глубокой ночью на разных концах фронта проходили собрания бойцов. На каждом таком собрании говорили о красном знамени, которое должно быть водружено на высоте Заозерной. И когда говорили об этом знамени, имели в виду великую родину, которая послала своих сыновей сюда, на защиту священной советской земли. Когда говорили о знамени, имели в виду партию, которая воспитывает советских людей в духе коммунизма, которая сделала их свободными и счастливыми.

И на этом собрании, где председательствовал Артем Панченко, тоже шла речь о красном знамени, посланном на фронт рабочими и колхозниками Посьета, маленького дальневосточного городка. В тот момент, когда комсомолец Гайдай пламенно говорил о мирном труде советского народа, подошел

ЭР02989

комсомолец Смирнов и развернул перед собравшимися красное знамя. Все бойцы и командиры приблизились к нему. Тут же, под алым стягом, они поклялись первыми водрузить знамя на высоте.

Каждый жаждал ощутить в своих руках красное знамя, все наперебой просили своего политрука лишь об одном:

— Дайте мне знамя, товарищ политрук!

Знамя было вручено заместителю политрука комсомольцу Смирнову, тому, кто только что развернул его перед своими товарищами...

...По крутым каменистым склонам, все время впереди части, двигался Смирнов под ураганным огнем к вершине высоты. Вот бойцы уже достигли вершины. Смирнов развернул красное знамя и крикнул:

— Товарищи, высота наша! Сюда, ко мне!

Со всех сторон слышалось красноармейское „ура". Пулеметчики, стрелки, связисты радостно возвещали друг другу о том, что красное знамя уже развевается на высоте Заозерной. И те, кто шли в атаку, встали сейчас на защиту красного знамени.

Японцы любой ценой хотели снять с высоты Заозерной это красное знамя. Они вели по нему артиллерийский огонь, они подсылали к знамени своих снайперов. Они бросали в него ручные гранаты. Знамя рвало осколками снарядов, пулями, осколками гранат, но оно все так же гордо развевалось над высотой.

Знамя охранял старшина Георгий Кокорин, комсомолец, забойщик уральских золотых приисков. Все эти дни он под градом пуль возил своим товарищам провизию на передовые позиции. Несколько раз японские пушки яростно обстреливали повозки, нагруженные консервами, хлебом и овощами. Несмотря ни на что, провизия всегда доставлялась бойцам во-время. Товарищи старшины, атаковавшие высоту, все время продвигались вперед. Каждый раз он заставал их на новом месте—все ближе и ближе к озеру Хасан. Но когда он приехал в последний раз, товарищи его были на высоте—завершался штурм. Кокорин и красноармейцы, приехавшие с ним, ни минуты не желали оставаться по эту сторону озера. Стар-

ЭР02989

шина передал коней отделенному командиру Горбульке, а сам вместе с ездовыми двинулся на штурм. Политрук Артем Панченко поручил ему защиту знамени.

Кокорин сразу же вырыл окоп и расположился с своими ездовыми около знамени. Рядом с ним лежали комсомолец Патрышев и младший комвзвода Гаврилов. Из-под горы все время подползали японцы. Кокорин и его товарищи били по ним из винтовок, и японцы кубарем катились вниз.

Ночью к знамени подполз японский офицер. Он протянул руку с гранатой. В этот момент Кокорин схватил поганую лапу, скрутил ее, и граната выскользнула. Кокорин бросил эту гранату в японцев, ползших за своим офицером. Раздался взрыв. Затем налетчики с грохотом покатились вниз.

Ночью Кокорин отправлялся в разведку. Обращаясь к своему командиру, он говорил тогда:

—Товарищ капитан, разрешите осмотреть местность. Может кто-нибудь замаскировался.

В одну из таких разведок он захватил в плен японского унтер-офицера. Спрятав голову в воронку от разрыва снаряда, унтер-офицр, заслышав шаги, притворился мертвым. Кокорин потрогал „мертвого“ за ногу, нога сгибалась. Стоявший рядом с Кокориным красноармец сказал:

—Товарищ старшина, дайте-ка я ему пульс попробую.

„Мертвый“ вынужден был встать. Его привели в штаб.

Здесь же, недалеко от бесстрашного Кокорина, устроились в окопе с своими пулеметами два товарища—Александр Башкиров и Иван Плясунов. Перед ними развевается водруженное над камнями красное знамя. Плясунов был вторым номером, но когда ранило соседнего пулеметчика, он лег за его пулемет рядом с пулеметом Башкирова. Им приходилось все время вести огонь. Японцы стреляли в них прямой наводкой из орудия. Как-то вражеский снаряд разорвался около самого края окопа; осколок ударился о каску Плясунова, но отскочил, не причинив вреда пулеметчику. После этого только немного звенело в ушах. Другой раз снаряд разорвался около самого знамени. Взлетела в воздух земля, а вместе с ней коробка с патронами. Но и в этот раз все обошлось благополучно. Теперь, наблюдая, как около красного знамени

ЭР02989

разрываются снаряды, оба товарища еще крепче сжимали оружие в руках.

Совсем недавно, только прошлой осенью, их можно было видеть на маленькой железнодорожной станции. Они сели в воинский эшелон, который увез их на Дальний Восток. Оба попали в один взвод, в одно отделение, оба учились стрелять из одного пулемета. Отправляясь на стрельбище или в класс, они постоянно соревновались друг с другом. Часто вечером, перед тем, как заснуть, они делились мыслями о том, как будут вести себя в случае, если вдвоем окажутся в бою. И вот Башкиров и Плясунов лежат сейчас в одном окопе, защищают от японских провокаторов красное знамя.

От непрерывного огня в пулемете Башкирова закипела вода. Плясунов подал ему свою флягу с ключевой водой. В это время вражеская пуля ранила Плясунова. Башкиров быстро сделал перевязку товарищу и посоветовал ему уйти в тыл. Плясунов отказался.

—Я от тебя не уйду, пулемета не оставлю,—сказал он.

Раненый Плясунов меткими очередями поливал свинцом японскую мразь, не подпускал ее к красному знамени.

Радостными приветствиями встретили бойцы, защищавшие знамя, прибывших на высоту сапер. Те перетаскивали на себе большие мотки колючей проволоки. Закипела работа: кто колья вбивает, кто раскатывает мотки, кто проволоку натягивает. Огонь не прекращался. Саперы время от времени укрывались в окопах, потом снова выбегали на вершину и продолжали свою работу.

Скоро проволочные заграждения закрыли подступ к знамени. Только что молодой сапер Дмитрий Мещеряков натянул еще один ряд проволоки, как рядом с ним упал снаряд. Мещеряков во-время успел скрыться в окопы. Его всего засыпало землей. Подбежавший товарищ сразу же стал его откапывать. Оправившись от сильного удара, Мещеряков бросился продолжать прерванную работу. Через короткое время можно было видеть, как шедшие в атаку японцы, запутываясь в проволочных заграждениях, падали недалеко от знамени, сраженные метким огнем наших бойцов. Советская артиллерия заставила замолчать японские батареи.

ЭР02989

Великое непобедимое знамя, обагренное кровью героев, изрешеченное пулями, гордо развевалось на самом краю советской земли.

„Красная звезда"

С. И. ЦАРЕГОРОДЦЕВ[1]

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Но если кто с мечом к нам войдет—от меча
и погибнет.
На том стоит и стоять будет Русская земля ..
(Из кинофильма „Александр Невский")

Самураи ведут огонь прямой наводкой. Снаряды ложатся на зыбь, и она качается волнами. Ярко светят прожекторы и ракеты, а мы все идем и идем...

В нашем движении вперед чувствуется грозная сила, которую нельзя ничем остановить. Настроение бойцов такое, что каждый из нас был готов броситься в атаку, мы ждем боевой команды.

—Вперед, за Родину, за Сталина!

Эти слова лейтенанта Темирова, нам казалось, совершенно заглушили орудийный гул.

—За Сталина, за Сталинскую Конституцию, ура!.. ура!..

Штыковым ударом сброшены самураи с хребта Заозерной сопки. На ней гордо реет алый стяг.

6 августа с утра погода хмурилась. Моросил дождь. По лощинке мы переходим на Безымянную сопку. „Храбрые" самураи в панике бегут, сшибая друг друга. Не помогла и водка, которой так усердно подогревался „боевой" самурайский дух. Самураи, сброшенные с советской земли, ведут артиллерийский и пулеметный огонь. С короткими передышками бой продолжается весь день.

7 августа бандиты снова открывают ураганный обстрел нашей земли. Я лежу за пулеметом и поливаю огнем япон-

[1] Орденоносец, участник боев в районе озера Хасан, колхозник сельхозартели „Завет Ленина" Санчурского района Кировской области.

ЭР02989

ские линии. Ко мне подходит старший лейтенант. Я его не знаю. Он спрашивает:

— Кто командует взводом?

Лейтенант мне не нравится. Что-то в нем есть отталкивающее, но я отвечаю вопросом:

— Что вам нужно?

— Поверните пулеметы обратно, противник зашел с тыла, — приказывает старший лейтенант.

— Товарищ лейтенант, — кричу я Темирову, — товарищ старший лейтенант дает задачу: повернуть пулеметы обратно.

Темиров раздраженно отвечает:

— Слушайте только мои приказы.

— Немедленно вызвать командира, — приказывает старший лейтенант. Темиров является на вызов.

— В чем дело?

— Поверните пулеметы в тыл, там противник!

— Ваши документы на право командования, — требует Темиров.

„Старший лейтенант" ежится и, резко повернувшись, бежит по направлению к самураям. Мы за ним. Пулеметчик Постовит кидается наперерез беглецу и валит его на землю. Я беру самозванца за гимнастерку. Она рвется. Под гимнастеркой — другая одежда с прямым воротником и на плечах... погоны. Белобандит трясется от страха.

— Пойдем в штаб, здесь нам не гоже объясняться с такой сволочью, — говорит Темиров.

Не удалась японская провокация. Мы снова поливаем огнем самураев. В 10 часов ранен тов. Темиров.

— Взводом командовать будете вы, — приказывает он, — обращаясь ко мне. — Врага полностью уничтожить, помните это. За око — два ока, за зуб — целую челюсть! Бейте врага до полного уничтожения!

За рану своего товарища, боевого командира, мы с еще большей ненавистью к проклятым самураям поливаем их свинцом. Сильный удар по спине на мгновенье оглушает меня. Смотрю — нога в крови. Значит, второй раз ранило. Перевязав ногу, снова веду огонь. Но боль усиливается. Передав командование Постовиту, отползаю метров на десять в тыл.

ЭР02989

10 августа лежу в госпитале. Врач успокаивает: нога будет здоровой.

К нам, в госпиталь, приходят рабочие, студенты, учащиеся, домашние хозяйки. У койки дежурит старушка Евдокия Ерофеевна. Она потчует меня конфетами, яблоками. И я вспоминаю замечательные слова любимого Иосифа Виссарионовича: „У нас ...народ и армия составляют одно целое, одну семью. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас".

27 февраля 1939 года! Этот день на всю жизнь останется в моей памяти. Я был в Кремле. Михаил Иванович Калинин, улыбаясь, вручил мне орден и крепко-крепко пожал руку. Как благодарить, что ответить? И я сказал:

— Служу Советскому Союзу!

„Кировская правда"

Пулеметчик Андрей ДМИТРИЕНКО

НАШИ ПУЛЕМЕТЫ БИЛИ БЕЗ ПРОМАХА

Наше подразделение находилось в обороне и получило приказ сменить огневую позицию. Я шел с командиром отделения Гореевым.

Он нес тело пулемета, а я станок.

Японцы все время не прекращали артиллерийского огня. Вдруг командир отделения куда-то исчез. Я начал искать его. Оказывается, он был оглушен снарядом и отброшен. Оказав помощь товарищу, я вернулся в строй.

Залег в лощине. Мы прикрывали пехоту огнем своих пулеметов. Все время я и мои товарищи стреляли по точкам противника, выводили из строя вражеских снайперов.

В одну из атак на Заозерную командир Слесаренко заметил из-за кустов в небольшой ложбине двух японских офицеров: один из них стрелял из пулемета, а другой вел огонь из автоматической винтовки по нашим красноармейцам. Я дал длинную очередь, и оба офицера были убиты.

События возле озера Хасан были проверкой нашей выно-

ЭР02989

ливости. Расскажу такой случай. Ночью, в дождь, мы шли в наступление. Противник вел сильный огонь.

На рассвете пошли в атаку. „Храбрые“ самураи не выдержали огня наших стрелков, пулеметчиков, артиллеристов и в панике бежали.

Нас, участников боя, тепло сейчас везде встречают. Мы чувствуем заботу и внимание всей страны. Но ведь мы лишь выполнили свой долг. Так поступил бы на нашем месте каждый советский патриот.

„Тревога“

ГРУЗДОВ и МАМОНОВ

КОМАНДИР ОЛЬХОВИК УНИЧТОЖИЛ ЯПОНСКУЮ БАТАРЕЮ И ДВЕ РОТЫ СОЛДАТ

9 августа огнем нашей артиллерии была уничтожена японская батарея у Мантокусан и две роты японских солдат. Эту удачную операцию выполнил командир батареи товарищ Ольховик из части, где комиссаром товарищ Лебедев.

Как была проделана эта операция? Товарищ Ольховик, избрав удачное место для наблюдательного пункта, приступил к внимательному изучению тактики японской артиллерии.

Ведя наблюдение, он установил, что батарея противника находится в ущелье между двумя сопками.

Выкатывая орудия на возвышенность, японцы выпрягали упряжки, производили три залпа и быстро на руках спускали орудия обратно в ущелье.

Товарищ Ольховик учел это обстоятельство. И как только японцы начали выкатывать батарею, он уже уверенно командовал: „Высота такая-то, прицел такой-то! Огонь!“, и батарея японцев была уничтожена.

Вслед за этим он блестяще провел обстрел двух японских рот, переправлявшихся через реку, и их уничтожил.

Артподразделение, которым командует товарищ Ольховик, является одним из передовых. Здесь в условиях боя ключом бьет партийно-комсомольская жизнь.

ЭР02989

...Комсомольское собрание на огневых позициях в разгаре. Рассматривается очередное заявление о приеме в комсомол. Вдруг раздается команда полубатарейного командира: „К бою!", и собрание временно прерывается для того, чтобы открыть меткий, уничтожающий огонь по противнику. После нескольких залпов собрание продолжается.

„На защиту родины"

И. КАТАЛИН

МЕТКОСТЬ НАШИХ ОРУДИЙ

Японская артиллерия в боях у озера Хасан показала свою полнейшую беспомощность в борьбе с нашей советской артиллерией. Неоднократные попытки обстрелять наши батареи, стоявшие на закрытых позициях, были всегда безрезультатными и не приносили нам никакого вреда. Более активное действие проявляла японская артиллерия, обстреливая картечью нашу пехоту. Но и в таких случаях наши артиллеристы быстро отыскивали японские батареи и в течение нескольких минут заставляли их замолчать.

По телефону капитану товарищу Мерлин сообщают, что сильный артиллерийский огонь японских орудий мешает продвижению нашей пехоты. Капитан товарищ Мерлин отдал приказание лейтенанту товарищу Чех подавить огонь японской артиллерии.

Быстро отыскивается замаскированная батарея самураев. Немедленно подается команда—на огневую позицию. После третьего выстрела взлетает на воздух японское орудие. Другое орудие исчезает. Остальные—подбитые—остаются на месте.

Вот еще пример меткой стрельбы наших артиллеристов. На наблюдательном пункте было замечено, как через реку переправлялось довольно многочисленное подкрепление противника. Командир батареи товарищ Ачкасов открыл огонь по переправляющимся японцам, и в течение нескольких минут они были потоплены.

„Тревога"

ЭР02989

ДВЕ АТАКИ

К вечеру колонна танков завершила тяжелый переход. Проведены осмотр и маскировка машин.

—Все в порядке!

—Танки готовы к атаке!—докладывали командиры экипажей.

Каждому хотелось сейчас же громить врага. Здесь, когда до самураев оставалось небольшое пространство, особенно остро чувствуешь всем существом, как приближаются минуты боя,— минуты, к которым готовились годами. Здесь даешь отчет родине, как ты подготовлен к выполнению священной обязанности воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии — умению уничтожать врага...

На рассвете был получен короткий, лаконический приказ: „Выйти на исходную, к высоте Пулеметная". С минуту экипажи стояли молча и неподвижно, как семья перед отъездом в далекий путь. Старший лейтенант товарищ Никитин проницательным взглядом окинул выстроившихся и подал команду: „Заводи!"

Зеленые кусты, маскировавшие танки, задрожали и зашевелились, как от легкого ветра. Приняв боевой порядок, подразделение товарища Никитина на полном ходу удалялось к огневым точкам врага.

Танкистам выпала трудная, но почетная задача. Уже само название сопки „Пулеметная" говорило о многом. На небольшой высоте самураи установили десятки пулеметов, преграждая путь нашим стрелкам к сопке Заозерной. За это наши красноармейцы и назвали высоту „Пулеметная".

Грозная лавина железа и стали без выстрелов приближалась к стану врага. Вот в каком-то исступлении застрочили „гочкисы", появились первые артиллерийские разрывы, посылаемые из манчжурских бетонированных укреплений.

Ветер доносил мощный рокот моторов. Башни сухопутных броненосцев медленно поворачивали жерла орудий на огневые точки самураев. Появлялся яркий сноп огня. Прицел уверен-

ЭР02989

ный и точный! Вместе с самурайскими флажками в воздух взлетали части пулеметов, а немного справа, от метких снарядов, посылаемых с танка товарищем Коником, летели вверх и колеса противотанковых пушек.

Григорий Коник, опытный танкист, „караулил" замаскированные орудия самураев. Его танк то появлялся справа, то быстро переходил на левый фланг, словно подгоняемый командой лейтенанта Подчеимова:

—Ходу, Коник, ходу!..

Вырвавшись к болоту, танк спустился в камыши и быстрым артиллерийским и пулеметным огнем стал прикрывать проход танков и пехоты. Мотор все время работает. Когда наши машины бронированной лавиной вынырнули из-за сопки, с фланга по ним открыли огонь три противотанковых пушки.

—Бей прямой наводкой!—крикнул Коник.

Один за другим раздались три выстрела. Лейтенант Подчеимов безошибочно поразил цель.

Башенный стрелок товарищ Богданов сейчас был за моториста.

Мотор исправно рокотал на малом ходу. Моторист знал, что мотор не подведет, и решил выйти в разведку: „Если не вернусь,—сказал он командиру башни,—уезжайте без меня".

С прилегающих высот японцы заметили опасный советский танк. Огонь многих орудий был перенесен сюда.

—Недолет!.. Перелет!.. Справа!.. Слева!..—спокойно и хладнокровно передавал Богатов командиру танка о взрывах снарядов.

Смелый моторист быстро разведал расположение противотанковых пушек. Подробно доложил о своих наблюдениях командиру.

Танк меняет позицию. Опять открывает огонь.

Экипаж храбрецов снова нащупан. Не сумев помешать атаке танков, самураи решили сорвать свою злобу на этой машине.

Шквал огня был велик. Кругом несся шторм взрывов. Земля вздымалась вверх, как море у скалистого берега. Земляной ливень падал непрерывно; катились осколки камней. Но тщетно! Поразив несколько видимых целей, наш экипаж увидел, как советские танки, выполнив боевую задачу, возвращались к

ЭР02989

исходной линии. В этот момент по передней броне „назойливого" танка ударил японский снаряд. Наблюдавший за торжественным возвращением танкистов лейтенант Подчеимов был оглушен. Однако подбить танк японцам так и не удалось. Вместе со всей боевой колонной он возвратился на сборный пункт.

Первая атака принесла японцам большие потери. Советские танкисты готовились к повторной...

* * *

Вторая атака совпала с замечательным праздником. Трудящиеся СССР отмечали девятую годовщину Особой Краснознаменной Дальневосточной Красной Армии. В этот день с особой заботой и любовью народы страны социализма обращали свои взоры к дальневосточным рубежам, к ее славным защитникам. Уже не раз японская военщина прощупывала прочность наших границ, уже не раз отходила от них с окровавленным носом, разбитой мордой. Ну что же, раз память коротка, можно и еще напомнить!..

Вторая атака, которую так долго ждали японцы, превзошла их ожидания.

Началась она мощным шквалом артиллерийского огня. А когда солнце поднялось высоко, в безоблачном голубом небе появились советские самолеты. Вначале их было мало. Но приближающийся рокот моторов становился все сильнее...

Вот прошел первый эшелон бомбардировщиков, за ним второй, третий... В бой снова вступила артиллерия. Ужас самураев был безмерен. Бросая окопы и укрепления, они пытались укрыться от метко направленных бомб и снарядов. Тогда вступали в бой истребители, они пикировали до земли, поливая японцев горячим свинцом.

Взревели танки. Они стремительно вылетели из-за сопки добивать заносчивых, но неуверенных в своих силах японских самураев.

Машина, которую вел младший командир товарищ Коник, быстро ринулась к вражеским пулеметам. Вот уж и первая линия окопов. Громя пехоту, танк одним толчком смял пулемет. Преодолев трясину, товарищ Коник направил танк по линии проволочного заграждения, он рвал проволоку, расчи-

ЭР02989

щая путь нашей пехоте. То и дело выключая рычаги, водитель направляет гусеницу на уцелевшие пулеметы и прислугу.

Впереди небольшой вал. Машина миновала вершину. В смотровую щель товарищ Коник увидел слева ползущего самурая со связкой гранат. Используя скат перевала, водитель включил третью скорость, танк вздрогнул, подпрыгнул вверх и не успел „охотник за танком" выпустить из рук гранаты, как тяжеловесная машина оставила от него мокрое место.

В машине стоял жаркий и душный грохот. В ушах звенело от гула мотора и качки машины. Но никакая сила не могла задержать стремительной атаки. Из горящей травы то и дело подымались обезумевшие от страха японцы. Раздавался крик, и самураи падали под гусеницу советского танка...

Эту атаку японцы не забудут никогда...

* * *

Вот стоит перед нами героический участник двух танковых атак комсомолец Гриша Коник. Сейчас он только что закончил чтение романа „На Востоке". В этой книге волнующие страницы посвящены грядущим боям на Дальнем Востоке...

„Глубокой ночью Москва узнала о предательском нападении врагов. И тогда из Кремля в Большой театр вместе с членами Политбюро пришел Сталин, чтобы быть вместе с Москвой. Лицо Сталина было строго, он шел торопясь, и толпа кричала, звала: „Сталин! Сталин! Сталин!" Это был клич силы и чести, он звучал как „вперед!" Потом Сталин говорил. Слова его разносились по всей стране, они входили в пограничный бой, мешаясь с огнем и грохотом снарядов. Радиорупоры доносили его голос к бойцам подземных укреплений, к летчикам, танкистам. Это был голос нашей родины, простой и ясный, бесконечно честный, отечески неторопливый, сталинский голос..."

—С именем Сталина в сердцах, с именем Сталина на устах,—говорит товарищ Коник,—мы шли в атаку без страха и колебаний. И в грядущих боях Сталин, великий и любимый вождь, будет вдохновлять нас на героические подвиги во имя нашей родины, во имя коммунизма.

„Тревога"

ЭР02989

ТАНКИ ВОРВАЛИСЬ В РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА

29 июля батальон получил боевой приказ: „Японские захватчики заняли высоту Заозерную. Батальону немедленно выступить".

Быстро собрался весь личный состав. Командир батальона объяснил задачу, и в полной боевой готовности танки двинулись к месту расположения противника.

Задача танков — поддержать наступление пехоты.

Взвод товарища Лосева получил задание занять высоту 60,1 и своим огнем сдержать наступление противника, дать возможность продвижению нашей пехоты. Замаскировав танки, товарищ Лосев выделил из экипажей наблюдателей за полем действия.

Самураи большими группами стали занимать выгодные позиции. Взводу товарища Лосева было дано задание — итти танками в атаку во главе роты.

Ворвавшись в расположение японских войск, танки начали вести ураганный огонь по огневым точкам японцев. В панике самураи начали отступать, оставляя на месте пулеметы и оружие.

Ночь... Во тьме трудно вести наблюдение из танка, но волевые механики-водители, преодолевая препятствия, нагоняли захватчиков и поливали их свинцовым дождем.

Вдруг танк товарища Лосева остановился. Он дает приказ механику-водителю: „Вперед!" Водитель отвечает: „Товарищ командир, танк подбит". Быстро принимает решение командир взвода товарищ Лосев:

— Я буду вести огонь, а вы вылезьте и посмотрите, что там делается...

— Есть!

Как только механик-водитель открыл люк, японские снайперы сразу же начали стрельбу. Первой пулей его ранило в ногу. Но он все же сполз на землю и обнаружил, что у танка подбита гусеница. Тогда механик перевязал рану и спус-

ЭР02989

тился вниз, где экипаж другого танка исправлял повреждение своей машины.

— Товарищи, вы свой танк исправили, помогите нам.

Танкисты быстро откликнулись на эту просьбу, и через пятнадцать минут оба танка были в боевой готовности и снова двинулись в бой.

Пробираясь сквозь заросли, товарищ Лосев обнаружил две противотанковые пушки, которые вели огонь по танкам. Механик-водитель дал полный газ, и обе пушки были раздавлены.

Танковый взвод продвинулся к самой границе, дальше итти нельзя. Очистив в этом направлении путь для пехоты, танки двинулись обратно за получением нового боевого приказа.

Наша артиллерия тем временем вела уничтожающий огонь по сопке.

Товарищ Лосев получил новый приказ: „Занять высоту 68,3 и в этом направлении вести наступление".

Вновь танковый взвод пошел в атаку под сплошным орудийным огнем. Танк товарища Лосева впереди. Командир взвода видит, как из окопов бегут японцы. Они охватывают наши танки кольцом, забрасывая их гранатами.

Вот впереди три японских солдата тянут на веревке машину. Лосев дал по ним очередь. Два японца скатились вниз, а третий остался на месте.

— Испеку, голубчик! — говорит башенный стрелок, ведя наблюдение.

— Товарищ командир, давайте его заберем — посмотрим, что это за фигура...

— Нет времени, товарищи, рассматривать паразитов. Больше газу, вперед!

Чтоб не оказаться в окружении вражеских войск, товарищ Лосев обстреливал впереди себя местность и тогда свободно двигался вперед.

Шесть раз получал боевые задачи взвод и с честью их выполнял, проявляя самоотверженность и отвагу.

„На защиту родины"

ЭР02989

Старший политрук Я. ЕФИМОВ,
комиссар Н-ской танковой части

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Мы получили боевой приказ — уничтожить огневые точки противника и разрушить проволочные заграждения, чтобы обеспечить успешное наступление пехоты.

Весь личный состав встретил боевой приказ с величайшим подъемом. Каждый рвался в бой, горя одним желанием — немедленно и жестоко наказать зарвавшихся самураев.

Наши танки выстроились в поход. Впереди — старший лейтенант товарищ Драгуновский, затем мы. Я иду в бой в составе экипажа башенным стрелком.

— Товарищ комиссар, — взволнованно говорит командир экипажа лейтенант товарищ Винокуров, — если бы вы знали, какое я ощущаю счастье, идя в бой за великую родину, за нашего дорогого Сталина. Мы покажем японским гадам, что значит нападать на наши советские рубежи. За провокации они жестоко поплатятся!..

— Будь в бою внимательным, не плошай, — отвечаю товарищу Винокурову.

Танки, ныряя по неровной поверхности, быстро пошли в бой. Достигаем передней линии обороны противника. Наглые самураи сосредоточивают на нас ураганный огонь пулеметов и артиллерии. Пули и осколки снарядов цокают о броню машины. Дошли до Безымянной высоты. Впереди — проволочное заграждение. Прорвали. Врезались в расположение пехоты и огневых точек. Смотрим — пулемет строчит по нашей пехоте. Танк направляется на пулемет и давит его гусеницами. Прислуга в страхе бежит. Раздавив еще несколько пулеметов, танк направляется на окопы. Развертываем быстро башню и открываем пулеметный огонь по пехоте врага. В панике пехота разбегается, оставляя на месте огромное количество убитых и раненых.

Вдруг танк вздрогнул. Лицо обожгло. Прямое попадание в башню! Башня заклинилась. По нашему танку бьют несколько орудий противника. Заглох мотор. Командир танка ранен. Я перевязал его, уложил поудобнее. Собрал все

ЭР02989

ручные гранаты, взял два пистолета, приготовился к обороне.

Долгое время самураи к нам не подходили. Потом они начали осторожно подползать. Обступили танк, покачали орудие, потрогали пулемет, что-то пробормотали. К пистолетным щелям не подходят, — боятся, сволочи! Я предполагал, что нас подожгут, и выработал план действий: забросать врага гранатами, открыть огонь из пистолетов и попробовать убежать. Если это не удастся, — в руки живым не даваться.

Походив около танка, самураи ушли, оставив дежурных. Раненый командир уговаривает оставить его и убежать, но я не могу этого сделать. Да и бежать невозможно. Передний люк заклинен. Самураи пробовали его открыть, — не открыли. Выскочить в верхний люк нельзя: нас стерегут.

Надеясь на поддержку, я решил ждать. Самураи прорыли проход к нашему танку.

Ночь прошла спокойно. У нас был запас воды, что давало возможность раненому товарищу утолить жажду.

Настал день. Яркое солнце раскалило танк. Днем стало нестерпимо душно. Запас воды иссяк. Во рту все пересохло. Но мы, задыхаясь в танке, попрежнему сохраняем спокойствие. Мы твердо уверены в своем спасении.

Наши артиллеристы все время ведут ураганный огонь по огневым точкам противника. От близко взрывающихся снарядов танк вздрагивает.

Прошел томительный день. Мы сидим в танке и находимся в невольном „плену“ уже сутки. К вечеру наша артиллерия открыла сильный огонь по пехоте противника. Снаряды рвутся около нас. Танк забрасывает землей от взрывов. Японская пехота залегает в траншее. Стерегущие нас уползают в укрытие. Настал удобный момент для побега из „плена“. Мы вырабатываем план побега, намечаем путь движения, место встречи.

Быстро открываю люк, выскакиваю из танка. По мне открывают огонь, и два самурая бегут за мной вдогонку. Метким огнем из пистолета товарищ Винокуров кладет их у танка. Следом за мной он выскакивает из машины и бросается в траву.

ЭР02989

Добравшись ползком до намеченного пункта встречи, я стал ждать Винокурова. На пути встретил воронку от разрыва снаряда. В ней показалась вода. Я утолил жажду, умылся. Винокурова нет. Меня охватило беспокойство, — не подстрелили ли его? Пополз разыскивать. Наткнулся на японского солдата, он замахнулся на меня винтовкой. Штык скользнул по правой руке, но это нисколько не помешало мне уложить самурая с первого выстрела. Ползая по камышам в поисках Винокурова, я изрезал все руки, но никак не мог его найти.

Вскоре подошла наша пехота. Товарища Винокурова нашли санитары. Ему была оказана помощь.

Славные бойцы пехоты докончили начатое нами дело. Они добили остатки японских самураев и заняли Безымянную высоту.

———

„Тревога“

Г. ДВОРЕЦКИЙ

ХИТРОСТЬ КОМАНДИРА КУЗНЕЦОВА

Сотни бойцов, идя в бой, подавали заявления о приеме в партию. Они писали:

„Если мы не вернемся, считайте нас коммунистами!..“

Такое заявление подал и комсомолец командир танка товарищ Кузнецов, отправляясь на выполнение боевого задания.

„Победить во что бы то ни стало!“ — вот с каким лозунгом пошел экипаж в бой.

Танк успешно преодолел сопки, болота и близко подошел к передней линии обороны противника, прорвал проволочное заграждение и очистил путь пехоте.

До первых рядов засевших в окопах самураев осталось несколько десятков метров. Командир экипажа товарищ Кузнецов метким огнем из пушки уничтожает огневые точки противника. Танк подходит к длинному окопу. В нем полно самураев. Кузнецов отчетливо видит их.

Из окопа летят под танк гранаты, но они бессильны. Танк цел и невредим.

РВГНБ

ЭР02989

Один за другим посылаются в окоп три снаряда. Завизжали самураи, как бешеные собаки, залегли на дне окопа.

„Открываю по окопу огонь из пулемета, — рассказывает товарищ Кузнецов, — смотрю, самураи пошли на хитрость: наблюдают за разворотом башни. Когда я разворачиваю башню на правую сторону окопа, самураи здесь ложатся, а слева поднимаются и бросают в танк гранаты и стреляют из пулеметов. Ну, думаю, гады, сейчас я вас проучу.

Медленно разворачиваю башню вправо, наблюдая за левой стороной. Вижу высунулись самураи. Резко разворачиваю башню влево и поливаю врага пулеметным огнем. Сдрейфили самураи и не стали показываться. Танк ведет огонь и идет по окопу, давя своей тяжестью перепуганных захватчиков.

Остальные в панике пытаются бежать, но мало кому из них удалось уйти от огня нашего пулемета! Враги жестоко поплатились за свои наглые провокации.

— Если не успокоятся самураи, — заканчивает товарищ Кузнецов, — то мы готовы повторить свой удар, и тогда японцам не найти спасения. Мы их достигнем на земле, в воде и в воздухе".

„Тревога"

Э. АБРАМОВ

ЧАС ПОБЕДЫ

Не прекращая наблюдения за полем боя, старший лейтенант Сирченко спросил своего механика-водителя Малахова:

— Который час?

— Шесть, — ответил Малахов, продолжая вести свой танк вперед.

Ровно час, как танки вышли в атаку. Бросаясь из стороны в сторону, мнут они своими гусеницами все, что встречается на их пути. Старший лейтенант Сирченко видит, как его танки, развернувшись, уничтожают врага. Японские пушки погибают, не успев начать стрельбу. Налетчики, завидев танки, разбегаются. Вот Сирченко заметил, что кучка японцев бросилась в воронку от разрыва нашего снаряда. Танк уже мчится туда...

ЭР02989

Лишь вчера Сирченко ползал по этой земле, выбирая дорогу для своих машин. В сюду болото; нужно было выбрать места, по которым танки смогли бы безусловно пройти. Только-только занималась заря. В воздухе прозвучали первые орудийные раскаты. Пока они еще были редки, но потом стали чаще и чаще. Поле боя начало содрогаться от грохота артиллерии. Повсюду вспыхивали разрывы снарядов. Кое-где взлетали глыбы земли. В эти минуты Сирченко, искусно маскируясь, двигался на разведку, определяя боевой курс танков. Пули противника с визгом летали над головой. Когда он подполз к маленькому озеру, японские пули с плеском падали в воду. Сирченко двигался дальше. Он выполнил задачу. Вечером, встретившись со своими танкистами во время похода, он им точно рассказал о каждом вершке земли, по которой предстоит совершить атаку. Вот почему сейчас он так уверенно ведет свои машины вперед...

...Горячие гильзы снарядов обжигают тело. От скопления пороховых газов в машине невыносимо жарко, но Сирченко работает попрежнему быстро и четко. Только когда капли пота падают на глаза, он быстро проводит рукой по лицу, ни на миг не отрываясь от перископа, продолжая вести огонь.

Сирченко внимательно следит за вспышками снарядов противника и, обнаружив вражеские огневые точки, тотчас же открывает по ним огонь.

Танк содрогается от града вражеских пуль, но советская броня крепка!

— В двухстах метрах—противотанковая пушка!—докладывает командиру механик-водитель.

Выстрел, и совсем близко взмылось пламя. Вражеское орудие взорвалось.

— Который час?

— Семь,—снова отвечает механик-водитель.

К этому времени пехота, которой танки открыли путь, уже должна была совсем близко подойти к высоте Заозерной.

Боевая задача выполнена. Сирченко приготовился дать сигнал на наблюдательный пункт. В этот миг танк содрогнулся. Вражеский снаряд попал в машину. Внизу вскрикнул механик. Сирченко бросился к нему. Механик был мертв. Сир-

ЭР02989

ченко успел перекрыть краник с горючим, но танк уже был охвачен пламенем.

Еще один снаряд,—и Сирченко ранен. Несколько осколков попали ему в лицо. Глаза затянуло красной пленкой. Все стало, как в тумане. Кровь, кровь... Он скомандовал, и экипаж покинул танк, унося с собою труп механика.

Старшина Извеков и башенный стрелок Курасов, подхватив своего командира под руки, быстро отнесли его подальше от пылающего танка. Затем Извеков побежал обратно. Он бросился в огонь, выхватил из машины уже горячие диски и пулемет. Миг—и, замаскировавшись в кустах, Извеков открыл огонь по врагу.

Курасов быстро перевязывает своего командира. Обливаясь кровью, командир в эти минуты думает лишь об одном: подошла ли пехота, полностью ли расчищен путь танком для наших войск? Он посылает Курасова вперед:

— Посмотрите, двигается ли сюда пехота, и доложите мне.

Курасов быстро взбирается на холмик, оглядывается, бежит обратно и докладывает своему командиру:

— Сюда идут наши танки и пехота—целая стена! Путь расчищен.

Извеков продолжает вести огонь по японским снайперам. Сирченко напряженно вглядывается вперед. Глаза болят. Мир все еще окутан туманом. Но он уже видит—яснее, яснее... Совсем близко в кукурузе блеснул оптический прибор японского снайпера. Снайпер целится в Сирченко, подбираясь к к нему все ближе и ближе. Сирченко наводит пистолет на японца и с первого же выстрела убивает его. Металлическая каска врага ударилась о винтовку. Сирченко слышит этот удар.

Уже появились наши танки. Сирченко видит, как к одному из них подкрадывается несколько японцев с бутылками бензина в руках. Враги хотят поджечь танк. Сирченко стреляет в них из пистолета. Одновременно Извеков дает по ним очередь. Японцы падают один за другим. Танк двигается дальше.

Курасов, запыхавшись, снова бежит к своему командиру с докладом. Едва сдерживая радость, он громко кричит на ходу:

ЭР02989

— Товарищ командир, товарищ командир,—наши уже на высоте!

Сирченко пытается подняться, но встать не может. Осколки снаряда попали ему и в ногу. Поддерживаемый Курасовым, он все-таки привстал. Подняв правую руку, командир кричит:

— За Сталина, за мировую пролетарскую революцию, вперед!

С высоты доносятся те же слова. Гремит могучее красноармейское „ура".

Извеков, схватив пулемет и уцелевший красный сигнальный флажок, бежит к высоте.

Сирченко кричит ему вслед:

— Извеков, обязательно поставь и наш флаг на Заозерной. Обязательно!

Курасов, не оставляя своего командира, осторожно пробирается с ним вперед. По дороге им встречаются двое раненых бойцов. Сирченко подползает к ним, подбадривает:

— Пойдемте, ребята, со мной, я тут все дороги хорошо знаю.

И они вместе двигаются дальше, к своим.

Вот они уже у самой высоты. На ней развевается красный флаг, а рядом с ним много небольших красных флажков. Сирченко силится отыскать среди них флажок своего танка, но к нему уже бегут санитары с носилками. Уходить отсюда не хочется.

Он должен видеть все, что происходит сейчас на высоте. Он спрашивает у одного из бойцов:

— Который теперь может быть час?

Это был самый счастливый час—час победы.

„Красная звезда"

Младший командир ГЕОРГИЙ УРИНЦЕВ

ЛЕТЧИКИ РАСЧИСТИЛИ НАМ ПУТЬ

Мы должны были пойти в атаку, чтобы выбросить с советской земли зарвавшихся японских бандитов. Напрягая силы, бойцы преодолевали сильно пересеченную местность, неся с

ЭР02989

собою материальную часть станкового пулемета и ленты. За невысоким холмом мы окопались. Опьяневшие от спирта самураи не заметили наших перебежек и продолжали бешено обстреливать наши старые огневые позиции. Шрапнель со свистом пролетала над нами, нисколько не беспокоя нас.

Наша батарея попрежнему била рассчитанно, не часто. Но мы чувствовали, что на этот раз японцы получат хороший урок. Взоры бойцов все чаще обращались к западной части неба—туда, откуда к 14 часам дня должны были появиться эскадрильи советских самолетов. Японцы начали нащупывать наши новые позиции. Шрапнель свистит уже над головами. И вдруг,—о радость!—через одну-две минуты ожидания в небе обозначились стрелками несколько эскадрилий истребителей и бомбардировщиков.

Сквозь грохот боя слышался нарастающий гул могучих моторов. Мы ревностно пересчитывали количество машин в каждом строе, чтобы потом убедиться, все ли вернутся на свой аэродром в целости и сохранности.

Самолеты приняли боевой порядок. Наиболее быстроходные бомбардировщики уходили в глубь оборонительной полосы японцев. Тяжелые многомоторные корабли, идущие плавным, гордым ходом, начали у нас на виду посылать свои „гостинцы" самураям, засевшим в бетонированных укреплениях.

Над сопкой Безымянной стояло сплошное облако дыма. Лишь местами в дыму вырисовывались разбитые в щепы орудийные колеса. Увлекшись наблюдением за этой решающей схваткой советской авиации с японской зенитной артиллерией, мы вскочили на ноги. Самураям было не до нас. Они отчаянно обстреливали наши самолеты, но стреляли плохо. Их снаряды рвались ниже и правее наших самолетов. Стальные птицы были неуязвимы.

Закончив бомбежку, облегченные самолеты в прежнем строю возвращались обратно. Восхищенные бойцы яростно аплодировали, приветствуя отважных летчиков. Кто-то закричал:

— Да здравствуют Коккинаки, Молоков, Громов и Чкалов!

Ему ответили:

— Что ты! Это не Коккинаки и не Громов! Это рядовая часть Н-ского аэродрома.

ЭР02989

Боец ответил:

— Ну, что ж! У нас все могут быть Коккинаки и Громовыми! — и снова зааплодировал советским летчикам.

Мы видели, что в рядах японцев началась паника. Уцелевшие от бомбежки самураи обратились в бегство. Но наша авиация еще не кончила своей работы. Истребители, которые все это время гордо реяли вверху, охраняя строй бомбардировщиков, сейчас, когда тяжелые машины ушли на свои аэродромы, ринулись камнем вниз, чтобы завершить дело, начатое бомбардировщиками.

Истребители бросались на японцев, строча своими пулеметами по пехоте противника. Вот истребитель летит бреющим полетом, вот он стрелой взмывает кверху, переваливается через крыло и идет книзу, ведя меткий огонь.

Когда горела в желтом дыму занятая врагом сопка, мы испытывали подлинное волнение. Мы гордились нашими товарищами - летчиками, которые на деле показали могущество советской авиации, готовой по первому слову боевого приказа разгромить врага до основания на его собственной территории.

Тем временем в небе появилась новая группа бомбардировщиков. Она еще раз осыпала бомбами позиции противника. Я приподнялся повыше. Вершины Безымянной уже не было видно. От ее подошвы до самого неба стояла грозная туча буровато-желтого цвета—песок, глина, дым еще долго висели в воздухе.

Поддержанные авиацией и артиллерией, стрелковые части Дальневосточного Краснознаменного фронта переходят в наступление и гонят с советской территории зарвавшихся японских самураев.

Я видел немало кинофильмов о будущей войне. Они оставляли большое впечатление. Но то, что мы увидели в этот день в районе озера Хасан, превзошло все, что могла создать фантазия работников искусств. Сейчас мы очень хорошо представляем себе, как будут выглядеть сокрушительные удары нашей авиации по врагу, который осмелится навязать войну Советскому Союзу.

Каждый из советских бойцов, участников этого боя, твердо

ЭР02989

уверен: как бы ни укрепился коварный враг, наши гордые соколы беспощадно разбомбят его позиции и уничтожат противника без пощады. В будущей войне советские летчики совершат новые подвиги, перед которыми померкнет все, что знает мировая история.

„Комсомольская правда"

Летчик ГАВРИЛОВ,
штурман эскадрильи

КАК МЫ БОМБИЛИ ВРАГА

Коварные японцы заняли священную советскую территорию. Японские батареи круглые сутки били по расположению наших войск.

Весть об этой неслыханной, чудовищной провокации всколыхнула сердца всех. Мы с нетерпением ждали приказа бомбить. Каждый из нас жил одной мыслью: не только прогнать, но уничтожать врага,—бомбить так, чтобы не уцелел ни один налетчик.

Мы, летчики советского народа, хорошо знаем свои первоклассные машины. Все проверено до последнего винтика, боевые бомбы больших калибров закреплены. Черным блеском отдают пулеметы. Ленты заложены. Люди, боевые механизмы — все готово к бою. Мы ждали лишь приказа о вылете. В эти минуты страстно хотелось подняться, круто набрать высоту и с максимальной скоростью выйти туда, где лежат озеро Хасан и сопка Заозерная...

Наконец, приказ получен. Нужно бомбить вражеские гнезда так, чтобы японцы потоками крови расплатились за свои коварные замыслы. Каждый летчик дал своим товарищам клятву бомбить и стрелять только на „отлично", чтобы советская земля оказалась могилой для любителей чужих территорий.

Один за другим поднялись в воздух быстрокрылые тяжелые самолеты. Легли на курс. Пошли. На горизонте показалась линия фронта. Подошли ближе, расчленились. Японцы открыли огонь из зенитных орудий.

ЭР02989

Шум моторов заглушал взрывы неприятельских снарядов, которые рвались где-то возле нас. Мы пошли на зенитные батареи противника. У подножья сопки стоит вражеская батарея. Вижу, как бьют орудия. Я перевел самолет на крутое пике, спустился до 800 метров и разом из всех пулеметов залил батарею свинцом и сбросил бомбы. Набрал высоту, развернулся. Посмотрел вниз: результаты были неплохие. Бомбы разметали орудия противника, разорвали ящики со снарядами. К разрушенной батарее бежали японцы. Я их снова угостил пулеметным дождем.

Рядом работали другие наши бомбардировщики. На японские окопы, пулеметные гнезда, артиллерийские батареи обрушилась сокрушительным ударом могучая боевая техника нашей отечественной авиации. Мощные бомбы разорвали в клочья огневые точки противника, пулеметы уничтожили живую силу врага. Вся территория была покрыта дымом. Японская артиллерия молчала, разгромленная, уничтоженная.

Задание командования было выполнено в строго установленное время. Самолеты собрались и строем пошли на свои аэродромы...

...Однажды японцы открыли по нашим частям усиленный артиллерийский огонь. Получив задание уничтожить огневые точки противника, я подлетел к цели. Японцы опять открыли зенитный огонь. Быстро делаю маневр и перевожу самолет в пикирование, с молниеносной быстротой приближаюсь к земле. Дал несколько очередей и сбросил бомбы. Затем делаю быстрый маневр, чтобы выйти из обстрела зенитной артиллерии.

Через некоторое время я опять занял огневую позицию. Японцы открыли по моему самолету огонь. От сильного разрыва снаряда самолет колыхнуло. Большая обида взяла меня.

„Эх,— думаю, — гады, если на то пошло, то получайте еще гостинец!..“

Занимаю новое исходное положение и опять открываю пулеметный огонь. Японская артиллерия замолчала...

...Так мы громили самураев, посмевших посягнуть на неприкосновенную советскую землю.

ЭР02989

Лейтенант И. КУКИН

ИСТРЕБИТЕЛИ ИДУТ В АТАКУ

Наступило августовское утро. В предутреннем рассвете ярко вырисовывался силуэт сопки Заозерной с ее овальной вершиной, окутанной туманом.

Утреннюю тишину рвет грохот орудийных выстрелов. На сопке непрерывно рвутся снаряды. Это наши артиллеристы громят огневые точки противника. Сегодня сопка должна стать нашей. Артиллеристы начали вести подготовку к атаке. Мы получили приказ готовиться к сопровождению наших быстроходных бомбардировщиков. Вот они показываются на горизонте в боевом порядке, идут на цель. С командного пункта взлетают три ракеты, и мы через несколько минут парим в воздухе, охраняя грозную воздушную эскадру. Она спокойно и уверенно приближается к цели.

Я тщательно ищу в воздухе истребителей противника, но, увы, их нет. Они боятся появиться в районе сопки Заозерной. Меня берет досада, что не придется схватиться с воздушным противником.

За мной в строю клином идут Воронин и Рулин. Они пристально смотрят на меня и ждут сигнала, чтобы броситься яростно на врага. Но в воздухе нет ни одного неприятельского самолета.

Бомбардировщики парят над сопкой. Внезапно на ней вспыхивают огневые массивы. Черный дым смешался с землей, взлетевшей в воздух, выросли столбы высотой до 300 метров. Сопка окуталась дымом. Как будто темные осенние сумерки упали на нее.

По бомбардировщикам открыли огонь японские зенитные батареи. Над воздушными кораблями вспыхивают белые облачка—это рвутся снаряды. Внизу вижу вспыхивающие огневые языки зенитных орудий. Даю сигнал, и все звено, пикируя, идет на зенитные батареи. В прицел вижу, как в панике прячутся по кустам японцы. Затаив дыхание, ловлю цель...

Вот она поймана. Не уйдете, гады! Отдаю рычаг... Бомбы летят вниз и рвутся, уничтожая наглых противников. Одно-

ЭР02989

временно мы открываем огонь из пулеметов и свинцовым дождем поливаем японскую пехоту.

Взял ручку на себя, повел звено на боевой разворот. Воронин улыбается и показывает большой палец.

Наши бомбы попали в цель. Зенитные батареи замолчали и больше не открывали свои драконовы пасти.

На сопке Безымянной засели в блиндажах японские самураи. Веду на них звено. Пулеметы запели свою песню. Из блиндажа, как муравьи, поползли трусливые японские самураи, но меткий огонь наших пулеметов приковывал их к земле. Блиндажи устланы трупами зарвавшихся бандитов.

Вдруг я почувствовал удар в ручку. Обернувшись назад, заметил, что шальная пуля попала в тягу управления. Перейдя на малую скорость, я тщательно осмотрел повреждение. Тяга управления держалась на волоске и могла в любую минуту оборваться. Спасти самолет, довести его благополучно до аэродрома! Плавно веду самолет к аэродрому. Вот он уже совсем близко. Иду на посадку. И в тот момент, когда шасси уже коснулось земли, тяга оборвалась. Но сейчас мне это уже не страшно. Самолет цел и невредим.

— Мы еще повоюем, друг дорогой! — с любовью говорю я своей боевой птице.

В свободную от боевых заданий минуту собирается в кружок летно-технический состав. Летчики и техники жадно слушают рассказы бесстрашных истребителей Сударикова, Протопопова, Токарева, Злого. Немало острых словечек было сказано нашими летчиками по адресу японских зенитчиков, которые бессильны в стрельбе по нашим виртуозам-истребителям и быстроходным бомбардировщикам.

Через несколько часов мой самолет снова в строю, и я иду на выполнение боевого задания.

Мы в разведке. Якубович то и дело прячется в кабину и наносит отметки на карту. Мы с комиссаром товарищем Елисеевым идем по бокам, ведем разведку наблюдением. Вдруг левее комиссара метрах в семидесяти разорвались три снаряда. Якубович делает маневр, и следующие снаряды противника рвутся далеко позади. Не добившись успеха, зенитные батареи умолкают. Мы засекли место их расположения.

ЭР02989

Когда мы в следующий раз пошли в разведку, я, по сигналу комиссара, отделился от ведущего и вместе с комиссаром бросился в пике. С высоты 400 метров мы сбросили груз бомб на зенитную батарею противника. Вражеская батарея раз и навсегда умолкла...

Летно-технический состав военно-воздушных сил Дальневосточного Краснознаменного фронта еще раз на деле доказал, что мы, летчики Страны Советов, всегда готовы к бою, всегда готовы разгромить любого врага, если он только посмеет напасть на нашу счастливую родину.

„Тревога"

Ю. САРКИСОВ

КАПИТАН КУЦЕНКО

На старте командир дал летному составу боевое задание:

—Установить расположение огневых точек врага и уничтожить их!

Машины быстро набирают высоту, пробивают первый слой облаков и идут в указанном разведкой направлении.

Вот и место боев.

Флагманский самолет покачнулся с крыла на крыло. Это сигнал: „Внимание". Истребители уже давно настороже. Внизу четко видны расположение частей, огневые точки и укрепления врага. Цель и задача ясны. Самолеты разошлись, чтобы лучше выбрать заход на цель.

...А там, внизу, сопка Заозерная гудела от грохота орудий, треска пулеметов, взрывов гранат.

Самураи бешено обстреливали советские позиции; затем они бросились в атаку. Японцы бежали с винтовками наперевес, яростно завывая:

— Банзай!

Ураганным огнем артиллерии японцы пытались поддержать натиск своей пехоты. Огромный численный перевес опьянял бандитов. Они неслись вперед, уверенные в успехе атаки.

Капитан Куценко повел самолеты в атаку. Истребители пошли в бой под разными углами, с разных направлений и

ЭР02989

разных высот. Но наступил такой момент, когда они разом, всей мощью своего губительного огня обрушились на вражеские цепи.

Пулеметы действовали безотказно. Свинцовый шквал ударил по бандитам. Ряды японцев сразу поредели. Уцелевшие ползком пытались укрыться в окопах, но и там меткий огонь воздушных снайперов находил их.

Японская зенитная артиллерия вела усиленный огонь. Почти около самолетов виднелись облачка разрывов, но наши летчики всякий раз оставались недосягаемыми. Машина капитана Куценко—в центре этих темнофиолетовых разрывов. Он внимательно следит за вспышками снарядов противника. И вдруг, обнаружив по отблеску огневую точку врага, Куценко пошел в атаку.

Скорость почти вертикально пикирующего истребителя с каждой секундой возрастала. В ушах свистел ветер...

И прежде чем самураи успели сообразить, в чем дело, Куценко уже поливал их свинцовым дождем из своих пулеметов. Японское орудие, потеряв прислугу, замолчало.

Мужество, смелость и отвага капитана Куценко вдохновляли других летчиков. Каждый стремился стать таким же бесстрашным, смелым и вместе с тем хладнокровным, расчетливым в бою, как и командир.

Старшему лейтенанту Гаврилову выпала задача уничтожить прислугу еще одной зенитной установки неприятеля.

Вот его быстрокрылая машина перешла линию фронта и гордо реет над территорией, еще занятой противником. Ее заметили самураи. Тотчас же вражеская зенитная батарея открывает ураганный огонь. Снаряды десятками рвутся в воздухе. Но летчик ловким маневром уходит из-под действия зенитного огня, одновременно нащупав огневую точку врага. Взрывы теперь появляются далеко позади, в стороне.

Тогда отважный истребитель с большой высоты бросается в атаку на вражескую батарею, расстреливая ее пулеметным огнем, заставляя раз и навсегда умолкнуть.

...Тишину прервал рев моторов. Истребители один за другим садились на землю. Потом четко прозвучал чей-то голос:

ЭР02989

—Товарищ командир! Приказ выполнен точно. Противник уничтожен. Все самолеты в полной исправности.

Командир осмотрелся. У одного из самолетов полукругом стояли летчики. Куценко с волнением оглядывает знакомые загорелые и крепкие лица своих боевых товарищей— Герасимова, Гаврилова, Феденко, Сучкова, Федосова... Все живы и невредимы.

Капитан Куценко говорил тихо и очень редко повышал голос. Речь его была так проста и значительна. Слова о родном Сталине, о родине, о неприкосновенности ее священных границ звучали такой волнующей теплотой, что люди слушали его, затаив дыхание.

* * *

Николай Васильевич Куценко родился в селе Степковке, на Украине, в 1906 году. Несколько классов школы были его „путевкой в жизнь".

Шли годы. Николай Куценко с нетерпением ждал дня призыва. Всякий раз, когда он видел плавный полет серебристой птицы, желание летать, стать летчиком наполняло его сердце.

И этот день настал. Он становится бойцом, навсегда связав свою жизнь с родной Красной Армией и флотом.

Взволнованный, он надел форму курсанта Ленинградской школы летчиков. Курс теоретической и летной подготовки в школе Куценко закончил отлично. Блестящую летную подготовку он показал и в части спустя несколько лет.

Много раз он забирался на большую высоту и выполнял задания так же четко, как и у земли. Мастерство высшего пилотажа он сочетал с подлинно снайперской воздушной стрельбой.

Истребитель обязан хорошо знать штурманское дело. И в штурманской специальности Николай Куценко не отставал. В 1932 году его звено вышло на первое место по летной и штурманской подготовке в части.

Его увлекали и продолжают увлекать новые скорости, борьба за „потолок", сложные полеты. Он осваивал один самолет за другим. Его привлекали ночные полеты, и он в совершенстве изучил их особенности.

ЭР02989

Николай Куценко провел в воздухе на машинах различных марок 451 час и совершил 949 безупречных посадок. Ему приходилось летать в зной и мороз, днем и ночью, на больших и малых высотах, в туман и дождь. Но ни разу, сколь бы трудными и опасными ни были условия, летные качества бесстрашного истребителя не изменяли ему. Капитан Куценко за все время летной службы не имел ни аварий, ни поломок.

Простой и требовательный в работе, он воспитал летчиков своего подразделения такими же бесстрашными бойцами.

* * *

Сейчас у озера Хасан попрежнему тихо. Течет обычная, мирная жизнь. Богатые колхозные села Приморья, разбросанные вокруг, напоминают цветущую Украину.

Их мирный труд, как и труд многих миллионов трудящихся Советского Союза, зорко оберегают на всем необъятном протяжении сухопутных, морских и воздушных границ нашей матери-родины ее стойкие и верные сыны.

„Красный флот"

Ф. ВИНОГРАДОВ

АВАНГАРДНАЯ РОЛЬ КОММУНИСТОВ В БОЮ

Стояла ночь—густая, черная. От озера Хасан тянуло сыростью. В ушах еще стоял грохот орудийных залпов и свист снарядов. Где-то в стороне на сопке щелкали одиночные выстрелы, изредка мелкой очередью трещал пулемет.

У подножья сопки, в кустах, собрались в тесный кружок люди. Они были в полном вооружении—с винтовками, пулеметами, на поясах блестели гранаты. Это—коммунисты Н-ского стрелкового полка с разных концов боевого поля пришли на партийное собрание. Впереди и на флангах стояли красноармейские дозоры и секреты. Они охраняли полк от неожиданного налета врага.

Полк уже несколько дней находился в центре боев. Стремительными контратаками он отбрасывал назад японских

ЭР02989

захватчиков, пытавшихся под прикрытием своего артиллерийского и пулеметного огня продвинуться вглубь.

Ответственный секретарь партийного бюро полка Иван Машляк открыл партийное собрание. Люди, привыкшие говорить громко, на сей раз из предосторожности говорили вполголоса, почти шопотом. Враг находился всего лишь в нескольких стах метров. Он мог открыть по партийному собранию артиллерийский и пулеметный огонь.

С кратким докладом выступил комиссар полка товарищ Бондаренко. Он говорил об итогах прошедших боев и задачах предстоящего решительного штурма высоты Заозерной. Он говорил об отваге и мужестве бойцов, дравшихся за родину, о том, что в бою коммунисты показали свою авангардную роль.

Бондаренко призывал коммунистов и в дальнейшем увлекать бойцов своим личным примером, чтобы с малой кровью разгромить врага и очистить советскую территорию от налетчиков. Эта речь была произнесена почти шопотом, но она дошла до сердца каждого коммуниста. Много большевиков выступало на партийном собрании. Они говорили о мужестве бойцов и от их имени заверяли партийную организацию, что в предстоящем штурме высоты ни один красноармеец не дрогнет, высота будет возвращена советскому народу.

Коммунист лейтенант Лазарев обратился к комиссару с краткой речью:

—Меня ранили, но я в состоянии двигаться, командовать, стрелять. Желаю итти в бой. Товарищ комиссар, разрешите участвовать в штурме высоты!

Бондаренко посмотрел на молодого коммуниста и ответил коротко:

—Хорошо, разрешаю.

По докладу комиссара единогласно приняли решение:

„Считать делом чести партийной организации полка выполнение приказа командования. Сопку взять. Каждый коммунист должен рассказать бойцам своего подразделения о решении партийного собрания".

Собрание кончилось. Под покровом ночи коммунисты бесшумно разошлись.

ЭР02989

* * *

...Перед штурмом по ротам шли необычные собрания. Замаскировавшись в кустах, либо у подножья сопок, комсомольцы принимали бойцов в свои ряды. На маленьких клочках бумаги были написаны заявления патриотов.

Вот обсуждается кандидатура младшего командира Карпова.

—Кто хочет высказаться?

—Карпова знаем, наш лучший снайпер. Вчера в бою показал себя, как отважный патриот. Принять,—в один голос заявили бойцы-комсомольцы.

Карпова единогласно приняли в комсомол. В эту же ночь после собрания к роте подкралось несколько вражеских снайперов. Карпов, два часа назад принятый в комсомол, заметил японских снайперов, бесшумно занял выгодную позицию и меткими выстрелами уничтожил врагов. Так Карпов отметил свое вступление в комсомол!

Рота, где политруком товарищ Рябов, к моменту штурма высоты стала полностью комсомольской. Около трети бойцов подало заявления в партию. Старший лейтенант Хлопик, подавая заявление, сказал:

—Хочу итти в бой коммунистом! Как быть с рекомендациями?

Политрук ответил:

—Разобьем врага, рекомендации будут.

В эту ночь беспартийные бойцы говорили коммунистам:

—Если придется умереть за родину, умрем коммунистами и комсомольцами.

Одновременно подали заявления о приеме в партию командир отделения Калинцев, младший командир взвода Журавлев, бойцы Сорокин, Щербаков, Кочнев, Гришин. Заявления принял политрук роты Катков.

Ночь и следующее утро прошли в перестрелке красноармейских дозоров с противником. Когда солнце приближалось к закату, бойцы получили приказ:

—Двигаться к исходному положению для атаки и занять высоту Заозерную.

Трудно писать об отдельных героях, когда героями были

ЭР02989

буквально все бойцы. Даже люди, которым по их специальности не нужно было находиться на линии огня, всячески старались участвовать в боях.

Долгое время портной Мещанкин работал в полковой мастерской. Когда полк вышел на линию огня, Мещанкин оставил мастерскую и пошел в бой. Во время штурма он показал, что не зря в свободное от работы время изучал пулемет. Мещанкин взял пулемет у раненого бойца и, по указанию лейтенанта Кокорева, уничтожил трех японских пулеметчиков.

* * *

...На пути встречались воронки от снарядов нашей артиллерии, которая днем громила и уничтожала орудия и пулеметные гнезда противника. Красноармейцы забирались в воронки и из естественных укрытий вели сокрушительный огонь по налетчикам. Затем снова вскакивали и неслись вперед. Никакая сила не в состоянии была удержать бойцов. По склону сопки неслись возгласы: „За товарища Сталина! За Сталинскую Конституцию! За советскую родину, за коммунизм—вперед!"

Лозунги возглашали командиры, комиссары, политруки и рядовые бойцы. Эти лозунги подымали людей на штурм высоты, они звали на подвиг, на героизм, на борьбу за честь советского народа, звали к победе над коварным врагом.

Ответственный секретарь партийного бюро полка Иван Машляк заменил убитого командира роты и повел бойцов по крутому склону на вершину. В это время он узнал, что ранен командир батальона Разолеев. Машляк принял командование батальоном.

Вершина была уже совсем близка. Машляк поднял бойцов на ожесточенный штыковой удар:

—За товарища Сталина, вперед, ура!

Слева и справа гремели возгласы, зовущие в бой. Бойцы ураганом ворвались на высоту. Японцы не выдержали стремительного удара. Они скатились на противоположный склон сопки, преследуемые красноармейским огнем. Машляк вскочил на высоту и, стоя во весь рост, провозгласил:

ЭР02989

—Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует товарищ Ворошилов!

Громовое „ура" победителей гремело по всей вершине высоты Заозерной.

Весь полк почти одновременно занял высоту. Лишь раненые бойцы продолжали подходить к вершине. Заозерная была взята, но борьба еще не кончилась. На флангах, кое-где в тылу, в укрепленных гнездах еще сидели вражеские солдаты. Они открыли огонь по вершине. Красноармейцы с гранатами подползали к бетонированным гнездам противника, рвали в клочья остатки врага. В эти последние минуты боя были ранены Машляк и боевой командир полка большевик Соляных.

В эти дни и ночи на боевых полях, как незыблемый закон, действовали слова товарища Сталина о том, что советскому народу чужой земли не надо, но и своей земли ни одного вершка он никому не отдаст.

В армии, как и на производстве, авангардная роль коммунистов—решающее условие для успеха в боевой обстановке. У озера Хасан партийная организация Н-ского полка в целом и каждый из ее членов и кандидатов в отдельности оказались на высоте своего положения, были подлинными организаторами и вдохновителями красноармейской массы.

„Правда"

Георгий САЗЫКИН
заместитель политрук

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

29 июля. Ночь. Все спят. Неожиданно раздается боевая тревога. Быстро собираемся в назначенное место. Нам выдают боеприпасы, питание, все необходимое для похода. Здесь же узнаем о том, что японцы нарушили советскую границу.

Получил на себя патроны. Узнал задачу. Созвал комсомольских организаторов подразделений. Объяснил им обстановку. В сплошной темноте выступаем по направлению к границе. В воздухе душно, жарко. Мы быстро двигаемся вперед.

1 августа. Исторический день моей жизни. Никогда его

ДВНБ

ЭР02989

не забуду. В 8 часов утра наша часть получила боевое задание—занять высоту Безымянную. Невозможно передать, какой подъем охватил бойцов. Все горели одним желанием—как можно скорее занять высоту и выполнить приказ: отогнать врагов от советской земли.

— Товарищи комсомольцы! К бою готовы?—спрашиваю я.

Из глубины окопов дружно раздается:

—Готовы!

Я иду в атаку с первым взводом, которым командует младший лейтенант Григорьев.

—Вперед!—раздается команда.

Вместе с Григорьевым выбегаем вперед, за нами стремительно двинулся весь взвод. Около нас с винтовками наперевес идут красноармейцы Михайлов, Белоносов, Степанов, Григорашин и другие.

Японцы заметили наше движение и открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Вражеские пули сразили нескольких наших замечательных товарищей. Жгучая ненависть к врагам влекла нас вперед, удесятеряла наши силы. Впереди река. Но нет непреодолимых препятствий, когда идешь в бой за советскую родину!

— Вперед, за родину, за Сталина!—кричим мы с командиром во весь голос. Бойцы подхватывают наш призыв. Бросаемся в реку. Плыть трудно. Японцы обстреливают. Переправили оружие, помогли слабым. Выбрались все. Вот, наконец, высота. Завязался ожесточенный бой. Японцы не выдержали нашего натиска. Мы бьем их из винтовок, пулеметов, колем штыками.

2 августа. Враг много раз переходил в контратаку. Напрасно! Каждый раз японцы бегут назад, оставляя трупы своих солдат. Все время мы находимся под густым неприятельским огнем.

Между мной и курсантом Белоносовым произошел интересный разговор. Обстановка разговора—необычная. Идет бешеная стрельба. Артиллерийский огонь усилился. Мы лежим на огневом рубеже. Белоносов охотится за японским снайпером. Замечательный парень Белоносов! Вдруг он подвигается ближе ко мне и спрашивает:

ЭР02989

—А заседание бюро будет здесь? Мое заявление о приеме в комсомол разберете?

Смотрю я на него, а лицо у него такое хорошее! Он улыбается, ждет ответа. Не скрою, сильно он растрогал меня своим вопросом.

—Будем, будем разбирать ваше заявление, товарищ Белоносов. Вы достойны великого звания члена ленинского комсомола,—кричу я ему.

5 августа. Утром получили задачу: „6 августа занять высоту Заозерную и места, к ней прилегающие". Все. Для нас ясно, что делать.

Перед боем, тут же, в окопах, созываем совещание комсомольского актива. На совещании обсуждается поставленная перед нами задача. Несколько заместителей политруков сошлись вместе: Брядкин, Балашов, Ильин, Гайдай, я и другие. Мы вспоминаем героические эпизоды из периода гражданской войны, из кинокартин и книг.

—Кинокартины „Балтийцы" и „Мы из Кронштадта" вы видели? — спрашиваю я.

—Ну, как не видеть!—весело отвечают молодые политработники.

—Так вот,—напоминаю я им,—помните, как комиссары-большевики увлекали за собой массу и побеждали? Будем и мы с вами подражать лучшим людям, героям нашей родины.

Крепко пожав друг другу руки, мы разошлись—готовиться к завтрашнему наступлению.

6 августа. Ночью занимаем исходное положение. На коротком митинге сообщаем бойцам задачу: уничтожить врага и взять высоту. Для этого требуются организованность, дисциплина, смелость, отвага.

—Мы готовы итти в бой!—хором кричат бойцы.

Настроение у всех приподнятое.

Роем окопы. Подтягивается снаряжение. Проверяется оружие.

Командир орудия комсомолец Шикин готовит свое орудие. Лейтенанты товарищи Лизун и Денисов проверяют, все ли подготовлено к предстоящему бою. Инструктор, политрук Гвоздев (в этот день он героически погиб), проверяет готов-

ЭР02989

ность к атаке. Несмотря на ночь, работа кипит. Глаза привыкли к темноте. Готовимся тихо.

Из-за скалы показался диск солнца. Оно вселило в нас бодрость и энергию. Кто-то затянул вполголоса песню.

6 августа. Перед атакой. 14 часов. Сидим в окопах, ждем приказа. Еще и еще раз проверяем себя, свою готовность к атаке.

У всех одно — скорее пойти в бой и победить. В том, что победа будет за нами, мы ни на секунду не сомневаемся. Мы знаем, что воюем за свое счастье, за отчизну.

Понимаем также, что война без жертв не бывает. Кто знает — минет ли его пуля в предстоящем бою.

— Товарищ Погорельцев, готовы? Флягу-то возьмите с собой, — оживленно говорит командир отделения.

— Я готов. Вот только каска... слишком жарко в ней, — бурчит про себя Погорельцев.

Начались собеседования. Мы пересыпали их острыми словами, шутками. Тут же мы вложили в специальные коробочки свои адреса. Это чтобы знали, куда сообщить родным, если мы погибнем в боях за родину. На обратной стороне адреса каждый написал письмо, по-своему выражая чувства перед боем. Я написал:

„Если я погибну, так не зря. За нашу родину отдадим жизнь. Знаю, что победа всегда будет за нами, за ВКП(б), за великим Сталиным. Да здравствует победа! 6 августа 1938 г. Сазыкин".

Полные уверенности, мы двинулись в атаку на укрепленную японцами высоту.

— Наша земля вся до единой пяди должна быть очищена от врагов! — прокатилось по рядам.

6 августа. Начало атаки. 15 часов. Вдалеке слышится гул моторов. Это идут наши советские самолеты. Гул все усиливается. Ближе и ближе... Раз, два, три, четыре, десять... Сразу не пересчитаешь.

Стальные птицы уже над нами. Ярко сияют красные звезды на крыльях. Появление самолетов еще больше воодушевляет нас. Мы впились глазами в небо.

Самолеты все идут. Слышны уже первые выстрелы с на

ЭР02989

ших истребителей по врагу. Появились бомбовозы. Мощные, они плывут под облаками, как орлиные стаи.

Взрыв. Другой. Советская авиация начала работать. Высота Заозерная, где были японцы, покрылась клубами сплошного черного дыма. Земля сотрясается от разрывов бомб. Враг получил по заслугам.

Бомбометание еще продолжается, а сзади уже нарастает новый грозный гул. Идут танки. Бронированные сухопутные корабли на больших скоростях забрались на склон и пошли мимо нас вперед. Раздается громкая команда:

— За танками — бойцы, вперед! За коммунизм!

Мгновенно все поднялись. По убегающим японцам мы открыли ружейный и пулеметный огонь. Рядом со мной Григорьев, немного впереди — Лизун. Я крикнул:

— Комсомольцы, вперед!

Оглядываюсь. Отстающих нет. Разве могут отставать комсомольцы? Заозерная все ближе. Враг упорно сопротивляется, пытается задержать нас своим огнем. Продолжаем наступать, двигаясь редкой цепью. Вот лощина. Залегли в ней. Рота вся в сборе. Командиры впереди.

— Перебежками вперед! — раздается новая команда.

Ползком и бегом, пользуясь малейшим прикрытием, движемся вперед, к вершине. Непрерывно держу связь с боевым командиром Григорьевым. Не впервые мы идем вместе в атаку. Сейчас мы впереди роты. Руки крепко держат наганы и гранаты. Неожиданно из рук комсомольца Смирнова выпало красное знамя, которое мы несем, чтобы установить его на вершине. Знамя подхватил другой боец. Снова бежим вперед под сильным огнем. Небольшой ров. Рота залегла. Я нашел Смирнова. Он перевязывал себе рану. Спрашиваю:

— Ну, как? Можешь итти в бой?

— Конечно, могу и пойду!

Это была последняя наша остановка. Спустилась ночь — темная, беззвездная. Некоторые товарищи ранены, есть убитые. Наша ярость, вера в победу все возрастают.

— Товарищи, последний натиск! Руби проволочные заграждения! — во весь голос кричит младший лейтенант Григорьев. Мощное „ура“ катится по склону. Ножницами, лопа-

ЭР02989

тами режем, рвем проволоку. Прикладами, штыками уничтожаем колья проволочных заграждений. Быстро устроили проходы. Прорвались на самый гребень сопки Заозерной. Группы японцев, случайно уцелевших от бомб нашей авиации, уничтожаем штыками, гранатами. Пусть знает враг силу гнева советского народа! На высоте взвилось красное знамя. Его пробивают пули, осколки гранат. Но, пронесенное сквозь бой, оно гордо реет над сопкой. Мы победили.

Всю ночь идет стрельба. Бьет артиллерия, пулеметы, винтовки. Рвутся гранаты. Мы выбиваем последние остатки врага. Советская земля очищена от захватчиков.

Горячо поздравляем друг друга с победой. Радость полная, всеобщая.

7 августа. Высота наша. Но бой еще не закончился. Снова ночь. Японцы думают, что мы спим. Нет, мы лежим на передней линии, готовые ко всем неожиданностям боевой обстановки.

Раздался шорох. Наш наблюдатель крикнул: „Кто идет?" Молчание. Это была группа японцев. Пользуясь ночной темнотой, она осмелилась приблизиться. Раздалась команда: „В ружье!" Смертельным для врагов голосом заговорили наши пулеметы, винтовки, гранаты.

Вдруг на фланге замолчал наш пулемет. Подползаю туда вместе с младшим комвзвода Катаевым. Катаев становится к пулемету первым номером, я — вторым. Пулемет снова начал поливать свинцом наседавших японцев. Они бежали назад. Многие полегли, сраженные нашими пулями. Внезапно Катаев схватил мою руку.

— Что с тобой? — спрашиваю.

— Меня ранило в ногу, Сазыкин, — отвечает он.

Жаль парня. Но что делать? Отвел его в более надежное место.

В эту ночь мы выдержали несколько атак врага. Все они были отбиты.

9 августа. Третий день находимся на вершине Заозерной. Получив суровый урок, японцы боятся лезть к нам. Они действуют отдельными группами. На фланге одна японская группа прорвалась в наш тыл. 15 наших бойцов под коман-

ЭР02989

дой младшего комвзвода Егорова пошли уничтожать врага. Сошлись очень близко, открыли огонь. Очень метко бросает гранаты Егоров — каждая попадает в цель. Я работаю вторым номером пулемета. Вдруг случилась беда. В кожухе пулемета не стало воды. Сливаем остатки из всех фляг. Огонь продолжается. Через час враг был полностью уничтожен.

Вот уже три дня, как я не видел Григорьева. Все это время я был вместе с другим подразделением. Григорьев — очень хороший, скромный боевой товарищ. Мы крепко подружились. Когда наступило небольшое затишье, я пошел искать Григорьева. Спрашиваю, люди молчат. Я понял: что-то случилось. Наконец, бойцы переглянулись между собой, сказали:

— Сегодня утром Григорьев погиб.

Дальше не слушал. Знал, что товарищ умер смертью героя, иначе быть не могло.

Меня разыскивают. Зовет командир.

— Вы, Сазыкин, назначены комиссаром части. Комиссара Белорусского ранило.

Так я стал комиссаром нашей части на высоте Заозерная. Сегодня снова жаркий день. Новые японские части лезут на сопку. Мы бьем хорошо, метко. Отбили уже несколько атак.

* * *

Враг уничтожен. Он — за линией границы.

Уже несколько дней нахожусь в госпитале. Скоро выпишусь к своим боевым товарищам. Сейчас ночь, раненые спят. Тихо. Интересно, что в эти часы делается на границе? Какие у нас замечательные люди, товарищи, бойцы!

„Правда“

ДВГНБ

ЭР02989

И. КРИНКИН

КРАСНЫЕ ЧАСОВЫЕ

На наших границах,
И дальних и ближних,
В осеннюю стужу,
Зимою в пургу—
Стоят часовые
Советской отчизны
И жизнь и счастье
Страны берегут.
Они стерегут
Наши стройки и горы,
Они охраняют
Богатства, тайгу,
От их соколиного
Ясного взора
Нигде не укрыться
Шпиону, врагу.
Бинокли их зорко
Вгляделись сквозь дали,
Скользят по горам
И равнинам кругом,
И символ борьбы и побед
Имя—Сталин
Хранят все бойцы,
Каждый в сердце своем.
Великое имя,
Что славой покрыто!
В суровых походах
В грозовые дни
Бойцы с этим именем
Шли на защиту
Любимой, счастливой
Советской страны.
Несли это имя
В атаках упорных,
В боях пронесли
На знаменах своих,
Шли в бой у Хасана—
У Заозерной,
Сражались с врагами
Один за троих...
Стоят часовые,
И шепчутся ветви,
И волны шумят
На прибрежном песке...
Не скроет шпиона
Ни темень, ни ветер—
Границы родные
Везде на замке.
Хранителям нашей страны—
Честь и слава,

ДВГНБ

ЭР02989

Великой отчизны
Героям—привет!
Идут по скалистым
Тропам до заставы—
Туда, где веселье,
Учеба и свет.
Забыты усталость
И свежесть мороза.
Уют и тепло
На заставе у них,
И ждет их там радость—
Привет из колхоза
И письма от жен,
Матерей и родных.
На наших границах,
И дальних и ближних,
В осеннюю стужу,
Зимою в пургу —
Стоят часовые
Родимой отчизны
И жизнь и счастье
Страны берегут.

И. ПРОХОРОВ

НА РАЗВЕДКЕ

(*Рассказ красного партизана*)

Вечера длинны зимою,
А в читальне так светло.
Хоть и вьюга за стеною,
Здесь же весело, тепло.
И журналы, и газеты—
Все, что хочешь, тут найдешь.
Каждый день в читальню эту
Собиралась молодежь.
Да не только молодые
Были в ней сидеть непрочь—
Приходили пожилые
И засиживались в ночь:
В шашки, в шахматы играли,
Иль усевшись тесно в круг,
О колхозе рассуждали,
Коротая свой досуг.
Время новое, и люди
Уж не те, что были встарь.
Говорят о том, как будут
Спозаранок инвентарь—

ЭР02989

Плуги, бороны, машины
К посевной приготовлять,
Строить к осени овины
Да зерно сортировать...
Как повысить этим годом
Свой колхозный урожай,
Сколько будет ульев с медом,
Как цветет и крепнет край.
Но однажды после читки
Вьюжным зимним вечерком
(Прочитал избач Ракиткин
Нам Фадеева „Разгром“)
В тишине промолвил кто-то:
— Да!.. Народ геройский был...
Оглянулись — это Зотов,
Что в гражданскую ходил
Тоже красным партизаном.
Он охотник-лесовик,
Весь обветренный, к буранам
И морозам, знать, привык.
Тут его мы обступили:
— Расскажи, Петрович, нам,
Как когда-то белых били
И скрывались по лесам.
— Что ж? Уж если вы хотите,
Я могу и рассказать.
Ну, так слушайте, сидите,
Только — не перебивать.

I

Из-за моря-океана,
Из чужих далеких стран
Шли войною англичане
На рабочих и крестьян.
От Архангельска на Шенкурск,
Вверх по Северной Двине,
Продвигались интервенты,
Угрожая всей стране.

РНБ

ЭР02989

По Онеге на Усть-Мошу—
Добрались они до нас...
Брата старшего Тимошу,
Помнят многие из вас...
Он, больной, из части красной
Незадолго до того
Лишь вернулся. Но напрасно...
Взяли белые его.
Поп донес. Пытали, били—
Мучил брата офицер:
На мороз босым водили—
Он молчал. И изувер
Приказал повесить брата
Тут же, в собственной избе...
Тяжело теперь, ребята,
Вспоминать ту ночь. В трубе
Вьюга бешеная выла,
Хлопал ставень за окном.
Кровь от горя в сердце стыла,
Стал чужим родимый дом.
В ту же ночь, из петли вынув
Брата мертвого, решил:
Отомстить или погибнуть...
Утром брата схоронил.
А когда стемнело снова,
Дальний бор во тьме исчез,
Не сказав ни с кем ни слова,
Я ушел на лыжах в лес.
Слышал я, что близко где-то
Партизанский есть отряд:
Бьется он за власть Советов—
За нее погиб мой брат.

II

Под Онегой было дело—
В наших северных краях.
Были мы в тылу у белых
И скрывались в лесах.

ЭР02989

Без патрон, без снаряженья
От жилых далеко мест—
Ни единого селенья
Не встречалося окрест.
После частых, жарких схваток
Отступил в леса отряд.
Не один бойцов десяток
Вырвал в схватках белый гад.
Мы тогда еще не знали,
Что советские войска
Белых к морю быстро гнали.
Но однажды у леска,
Где стояли партизаны,
Вдруг заметил часовой:
На краю лесной поляны
Показался верховой.
Командиру донесенье
Полетело в тот же час.
Он подумал лишь мгновенье
И такой отдал приказ:
„Кто б там ни был, но не трогать!
Пропустить и не стрелять!“
Командир у нас был строгий
Кремень-парень, так сказать.
Мы сперва спросить хотели:
Почему и отчего?..
Но, подумав, не посмели—
Уважали мы его.
Человек он был, что надо:
Храбрый, умный и простой—
И для нашего отряда
Был родней, чем брат родной.
С твердой пламенною верой
Прямо к цели шел вперед.
К цели той, чтоб жизни серой
Положил конец народ.
Нам в сердца, конечно, эту
Веру тоже заронил.

ЭР02989

— Путь для нас один — Советы! —
Он частенько говорил.
Через ужасы и войны
Вдаль, в счастливые века,
Направлял свой взгляд спокойный,
Зоркий взгляд большевика.
Знал: пройдут лихие годы,
На земле наступит мир —
Сбросят тяжкий гнет народы...
Вот какой был командир.

III

Мы, гонимые морозом,
Поукрылись в шалаши.
Говорили целым взводом:
Как зимою хороши
Печки теплые, полати
С тараканами в углах,
Как бы были вальни кстати
На иззябнувших ногах.
На средине, сыпля искры
На людей, огонь пылал,
Дым густой, спустившись низко,
Ел глаза, в носу щипал.
Только мы к тому привычны:
Хоть и дымно — да тепло!
Занимались, как обычно,
Кое-чем — кому что шло.
Кто сидел — сушил портянки,
Кто сапог худой чинил,
Зорин Вася на тальянке
Тихо песню выводил.
Вечерело. От востока
Вместе с ночью шла пурга —
Намела сугроб высокий
У опушки, что курган.
В шалаше под шум метели
Я, согнувшись, задремал,

ЭР02989

Но не крепко—сбоку в щели
С воли ветер поддувал.
— Дьявол!—кутаюсь плотнее,
Снова дует—вот беда,
И чем дальше, тем наглее
Дует в щели без стыда.
— Тьфу ты—не было заботы!
Если б быть сейчас в пути?..
Вдруг у двери голос: „Зотов!
Командир велел притти".

IV

Под седой лохматой елью,
Простоявшей тут века,
Приютился от метели
Старый домик лесника.
Я вошел туда, за мною—
Буря, с силой хлопнув дверь,
Закружилась, дико воя,
Как огромный страшный зверь.
На печи храпел со свистом
Бородатый дед лесник.
На столе, досчатом низком,
Чуть мерцая, тлел почник.
Командир на карте что-то
Отмечал карандашом.
— Проходи, товарищ Зотов...—
Вновь склонился над столом.
— Знаешь что? Меня тревожит
Этот самый верховой...
Банды белые, быть может,
Недалеко. Мне с тобой
Вот что выяснить охота:
Не попасть чтобы впросак,
Мы должны, товарищ Зотов,
Разузнать скорей—где враг.
Как ты думаешь? Сумеешь
Послужить стране родной?

ЭР02989

Отвечай! А коль робеешь—
Говори—пойдет другой.
Что я мог ему ответить?
Разве то, что ночь, пурга;
Что темно и можно встретить,
Не заметивши, врага.
Или то, что заблудиться
Можно в экую метель,
Иль в болото провалиться;
Или в бурю сломит ель
И окажешься под нею
С раздробленной головой;
Что я жизни, мол, жалею,
Что пускай идет другой...
Нет. Ответил я достойно,
Как и должен партизан.
Молвил я ему спокойно:
— Я найду врага, Степан!

V

Собирался я немного:
Взял подсумок на ремень
Да винтовку, и в дорогу
Побежал на лыжах в темь.
Глухо, жутко стонут ели
Надо мною в вышине,
И в полах моей шинели
Свищет ветер. Хлещет мне
Снег в лицо. Иду, зажмурясь.
Вязнут лыжи в рыхлый снег.
По пятам за мною буря
Заметает сразу след.
Жмет плечо мое винтовка,
Труден ночью лесом путь:
Что ни шаг, то остановка—
Приключится что-нибудь.
То за куст заденет лыжа,
То шинель зацепит сук—

ЭР02989

Весь измок, что впору выжать.
Но редеет лес—вот луг.
Думал, лугом будет легче
Мне итти, но где уж там!
Ветер здесь сильнее, крепче,
Как безумный, по лугам
Мчится смерчем снежным, диким,
Бьет в лицо и валит с ног.
Я с усилием великим
Устоять на лыжах мог.
Вот и луг остался сзади.
Предо мною снова лес.
Передышку сделать надо—
Я подумал и полез
За кисетом, козью ножку
Закрутить, разок курнуть,
А потом, хотя немножко,
Здесь в затишьи отдохнуть.
Но рука на полдороге
Замерла. Сквозь бури вой
Я услышал говор. Ноги
Загорелись подо мной.
Голоса, шаги все ближе—
Направляются ко мне.
— Не уйти от них—я вижу—
Спрячусь, что ли, в стороне.
Оглянулся, выбирая
Место, где бы мне засесть.
За спиною ель густая—
На нее придется лезть.
С ног скорее сбросил лыжи,
Сунул в снег и выбрал сук
Я у ели, что пониже
(Долго думать недосуг).
Подскочив, полез в вершину,
Пробираясь кое-как
Меж ветвей. Авось не сгину—
Не заметит ночью враг.

ЭР02989

Спину бьет винтовка больно.
Выше ветер стал сильней,
Только—думаю—довольно
Лезть—отсюда повидней.
Слышу: в бурном шуме леса
Шум шагов, слова людей,
Но скрывает их завеса
Низко склоненных ветвей.
Я смотрю, держась рукою
За обледенелый сук—
Вижу: прямо подо мною
Всадник выехал на луг.
Встал как вкопанный. И что же?—
Подскакал к нему другой.
—Заблудились мы похоже,—
Говорят между собой.
—Дальше некуда. Дороги
Нет, полковник, впереди.
Люди выдохлись, ей-богу—
День похода позади.
И к тому ж не безопасно
Продвигаться ночью нам:
Вы же знаете прекрасно—
Повсеместно по лесам
Здесь шныряют партизаны.
Их, признаться, я боюсь...
Занесло нас к чорту в яму,
Пропадай вот тут за „Русь“!
Все пропало. Гонит в шею
Из России чернь господ...
Об одном лишь я жалею,
Что не весь повесил сброд.
—Да, поручик, плохо дело...
Прикажи, поди привал...
У меня в груди заело
От того, что услыхал.
Вот так ловко! Вот так штука!
Здесь привал, а я куда?

ЭР02989

Ожидать—сплошная мука.
Прочь отсюда—никогда!
Должен я узнать подробно
Белых численный состав:
Сколько пеших, сколько конных?..
И сижу, свой страх взнуздав.

VI

А меж тем передо мною
Развернулся кавардак.
Белой гвардии „герои"
Разбивают бивуак:
Ругань, крики, лязг оружья,
Скрип саней и дым костров—
Все смешалось с ночью вьюжной.
Меж расчищенных кустов,
На краю лесной опушки,
Прямо жерлами на луг
Расположены три пушки,
И прислуга вся вокруг.
Полукругом дальше роты.
В центре сбился весь обоз—
На обозе пулеметы.
Видно белые всерьез
Приготовились к защите.
Их, пожалуй, с батальон...
—Что ж вы, гадины, не спите?
Не берет чертей вас сон?
Трудно мне. Немеет тело—
Без движенья затекло.
В голове, в ушах шумело,
Руки холодом свело.
Я дрожу. Замерзли ноги,
Но нельзя никак слезать—
Тут же рядом на дороге
У костра ложится спать
Взвод стрелков. Я слышу снова

ЭР02989

Говорит один солдат:
—Эх, и бой у Бирючева
Был—ну, прямо страшно, брат.
Мы сперва держались было—
Где там! Разве устоишь,
Если их такая сила!
Поневоле побежишь.
Обманули нас, ребята.
Пропадем мы нынче тут.
Убежал бы, да куда там?
Страшно—схватят и убьют.

VII

Замолчали. Засыпают.
Утомились, знать, в пути.
Я с собою размышляю—
Не пора ли мне итти?
Слез. „Спокойно почивайте!
До свиданья, господа.
Через два часа встречайте,
Мы вернемся все сюда".
Встал на лыжи и что мочи
Я рванул к себе в отряд—
Вдвое-втрое путь короче
Показался мне назад.
Иногда, запнувшись, падал
И, поднявшись, вновь летел,
Но во что бы то ни стало
Сообщить скорей хотел
Весть о том, что близ отряда
Находился сильный враг.
Лишь проклятые преграды
Замедляли каждый шаг.
Наконец, и путь окончен.
Вот и домик лесника,
И оттуда сквозь оконце
Льется свет от ночника.

ЭР02989

VIII

Командир сидел согнувшись
И меня с разведки ждал.
В карту ветхую уткнувшись,
Что-то думал и писал.
Я к нему как ошалелый
Заскочил, кричу: „Скорей
Нас веди, Степан, на белых.
Собирай, давай, людей!
—Не волнуйся! Что такое?
Толком, толком расскажи!
Мы сперва обсудим двое...
Вот на карте укажи...
Где бандиты? Мало?.. Много?
Рассказал ему, что знал.
—Хорошо. Теперь в дорогу,—
И, сложивши карту, встал.
—Будет нам на помощь вьюга...
Собирай, иди, отряд—
Я сейчас... Нам ночь—подруга.
Пулеметы вражьи—клад.
И пока мы собирались,
Командир составил план.
В мглу ночную направлялись
Взводы красных партизан.

IX

Командир нам дал задачу—
Пулеметы взять врасплох
(Старшим он меня назначил)
Да создать переполох
В самом центре и к атаке
Остальным подать сигнал.
И теперь, таясь во мраке,
Я задачу твердо знал.
Тихо, тихо подползали

ЭР02989

К отдыхавшему врагу,
Часовых без звука сняли—
Не заметили в пургу.
Подошли к стоянке близко
И глядим из-за кустов —
Над поляной виснет низко
Дым от множества костров.
У костров в различных позах,
Приукрывшись кое-как,
Коченея от мороза,
Спят бандиты. Бивуак
Занесен был толстым слоем
Снега, выпавшего в ночь.
Снег казался перед боем
Белым саваном—точь-в-точь
Словно буря ожидала
Сотни в эту ночь смертей
И посмертным покрывалом
Принакрыла их скорей.
Меж обозом и кустами
Рота целая солдат.
Спят. Лишь с сонными глазами
Трое у костра сидят.

X

Ну, пора. Я оглянулся
И махнул своим рукой—
Дружно взвод за мной рванулся
На врагов в неравный бой.
—К пулеметам! К пулеметам!
Мысль сверлит в моем уме.
—Есть такие! Крой по ротам!
Все смешалося во тьме.
Не забыть мне этой битвы
Никогда—во весь свой век.
Мы напали на бандитов,
Словно на голову снег.

ЭР02989

Что творилось—пусть расскажет
Битвы той свидетель—бор,
Сам я плохо помню даже.
Только помню: бьют в упор
Из „максимов“ партизаны
Очумевшего врага,
Завизжала над поляной
Вдруг свинцовая пурга.
Крик отчаянный и стоны
Заглушают бури вой,
Гулко хлопают патроны
Над поляною лесной.
—Бей врагов Страны Советов,—
Слышим мы Степана крик.
И „ура!!!“—в ответ на это
Отвечаем дружно вмиг.
Дрогнул враг. Сдаются гады,
В страхе скучились, дрожат,
Словно загнанное стадо.
Всюду мертвые лежат
Без движенья в лужах крови—
Потемнел от крови снег,
Уползли глаза под брови
Из-под омертвевших век.
Бой стихал. Собрали в кучу
Партизаны беляков:
В плен не сдались лишь поручик
Да полковник Хомяков.
Утекли, спасая шкуру,
В ночь, коней не заседлав.
Мчались, бешеным аллюром,
Всех соратников предав.
Нам достались трофеи:
Двадцать ящиков патрон,
Триста ружей, батарея
И... большой мешок погон,
Пулеметы, кони, сани,
Да всего не перечесть.

ЭР02989

Партизан на поле брани
Смертью храбрых пало шесть.
Да еще (какое горе!)
От смертельных жгучих ран
После боя умер вскоре
Командир—родной Степан.
Потускневшими глазами
Он смотрел в лесную даль
И сказал, прощаясь с нами,
Тихо—в голосе печаль:
—Вот и все. Врага побили,
С честью выполнили долг.
Молодцы—не отступили...
Изменили силы, смолк,
Но, собрав остаток воли,
Заглушив предсмертный стон,
Тяжко мучаясь от боли,
Продолжал чуть слышно он:
—И всегда, покуда живы,
Поступайте так с врагом.
Будьте же, друзья, счастливы!
Мне конец... И все кругом
Вздрогнули, вздохнув сурово:
—Вечной памяти, Степан!
Не забудет это слово
Ни один из партизан.
На рассвете схоронили
Мы товарищей своих.
Постояли, погрустили,
Сняли шапки. Ветер стих.
Поклялись перед могилой
Командира, как один:
—Мы врагу в обиду милой
Родины не отдадим.

* * *

Зотов кончил. Все молчали,
Думу думая одну.

ЭР02989

—Были годы. Отстояли
От врагов свою страну.
И теперь—пусть самураи
И фашисты точат нож—
В бой пойдут, не отступая,
Старики и молодежь.
Беспартийный с коммунистом
С грудью грудь, с плечом плечо
Встретят полчища фашистов,
Будут драться горячо.
Так все думали, и эту
Думу высказал один:
„Никогда Страны Советов
Мы врагам не отдадим.
Как нельзя исчерпать море,
Иль направить солнце вспять,
Так любой фашистской своре
Наши нивы не топтать".

———

К. БРОННИКОВ

У ОТЧИЗНЫ МОЕЙ МИЛЛИОНЫ ПТЕНЦОВ

На весеннем дубу
Много крепких листков,
У отчизны моей
Миллионы птенцов.
Сыновей, дочерей
У страны—не сочтешь.
Боевая растет
И цветет молодежь!
Если враг на отчизну
Пойдет напролом,
Каждый родину-мать
Призакроет крылом.
Для врагов недоступна
Большая земля
От восточных морей
До родного Кремля!

———

РВГБ

ЭР02989

В. КОЛОБОВ

СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ

На границе, на восточной,
Воздух был прозрачен.
По речушке пограничной
Плыл челнок рыбачий.
Может, с дальнего причала
Ребята спустили,
Может, ветром оборвало,
Волны закружили.
Плыл челнок, чуть-чуть качаясь.
Где-то птицы пели,
Травы, в речке отражаясь,
Тихо шелестели.
Так и быть бы нерушимой
Тишине-покою,
Облака бы плыли мимо
Над Разрыв-рекою.
Так и быть бы...
Да в секрете
Нашего дозора
Молодой боец заметил
Челнок без призора.
На границе каждый кустик,
Камень на примете.
Кто же зря челнок отпустит
Утром на рассвете?
Вот уж он остановился
За кустом высоким.
Кто-то вдруг зашевелился
Тихонько в осоке.
Может, стайкой рыбы ходят,
Шумят средь осоки?
Может, разговор заводит
С ветром куст высокий?
—Пограничник, посмотри ты,
Что там?

ЭР02989

Видишь: руки—
Самурайской ядовитой,
Гремучей гадюки!
Враг выходит из речушки,
Ползет, пряча жало.
За рекой пять раз кукушка
Хрипло скуковала.
—Не кукуй ты зря, кукушка,
Птицей беззаботной.
Комсомольцем взят на мушку
Твой птенец залетный.
Куст тихонько приподнялся,
Подался направо.
—Ну-ка, стой! Накуковался,
Иди на заставу...
Штык в гадючье сердце метит,
Путь лежит далече.
Это было на рассвете...
Утро...
Полдень...
Вечер...
На заставу враг шагает,
Ненависть во взгляде.
Комсомольцы охраняют
Впереди и сзади...
На границе, на восточной,
Тих, прохладен воздух.
Воет ветер полуночный,
Да мерцают звезды.
На границе свищут птицы,
Ночь темнее сажи.
Комсомолец на границе
В секрете, на страже.
Он лежит и ловит ухом
Шорохи ночные.
Где-то птица крикнет глухо,
Ветка треснет сухо.
На реке камыш высокий

ЭР02989

По ветру качнется,
Возле берега в осоке
Рыбина плеснется—
В каждом звуке есть значимость,
Мускул силой налит.
Не ползти гадюке мимо,
Не шипеть, не жалить.
Не ползти гадюке мимо:
Попадет нам в руки—
Меткой пулей пригвоздим мы
Голову гадюки.

ИВАН БЕЛЯКОВ

ИЗ ЦИКЛА „ХАСАНСКИЕ ДНИ"

СМЕРТЬ ВОЕНКОМА

Ночь, как шапка великана,
Поднималась на простор
От равнины океана,
От вершин зеленых гор.
То не ветер дул крылатый,
Улетая на откос,
То не синие раскаты
Молодых весенних гроз.
В эту ночь рвались снаряды
Возле озера Хасан.
В эту ночь бойцов в атаку
Вел военный комиссар.
За страну, за наше счастье
Шел он смело впереди,
Бил врагов он беспощадно—
Военком и командир.
Уходила ночь сырая
В глубь зеленых камышей,
Были биты самураи
У советских рубежей.

ЭР02989

Дрались гордо за отчизну
Возле озера Хасан.
В том бою расстался с жизнью
Наш военный комиссар.
Он, без стона умирая,
Говорил своим бойцам:
„Бейте подлых самураев,
Нет пощады подлецам".
Громче пули завизжали,
У бойцов вскипела месть,
И бойцы винтовки сжали
И ему сказали: „Есть!"
И пошли они в атаку
На японские полки...
Не сдержали псы-вояки
Красной Армии штыки.
Бой был жаркий. У бандитов
Вышел опиум и хмель...
Пусть умерят аппетиты
На захват чужих земель.
Кончен бой. Победа с нами.
Снова красною волной
Реет сталинское знамя
Над советской высотой.
Дрались гордо за отчизну
Возле озера Хасан,
В том бою расстался с жизнью
Наш военный комиссар.

ЗАХОТЕЛИ САМУРАИ...

Захотели самураи
Побывать в советском крае
И пошли на нас.
Может быть, они забыли,
Что мы их, бывало, били
Крепко и не раз.

ЭР02989

Заявляет Сигемицу:
„Пересмотрим, мол, границу.
Много лет назад
Мы на сопке Заозерной
Раз справляли в день престольный
Праздничный обряд".
Словно в гуще темных туч,
За зубцами горных круч
Спряталась луна.
Чтобы в бой итти смелей,
Их вояки всех мастей
Выпили вина.
Опьянели, закачались,
В бой пошли и закричали
Дикое „банзай".
Зубы сжав, остервенели,
По-собачьи покраснели
Узкие глаза.
Часовые не дремали,
Близко гадов подпускали,
Бились до конца.
И для каждого, сколь нужно,
Отпускали залпом дружным
Порцию свинца.
С суши — танки и пехота,
С неба — стаи самолетов
Били точно в цель.
И вояки-самураи
С поля боя удирали,
Кто остался цел.
Пусть теперь запомнят гады,
Что престольные обряды
На чужой земле
Справить вновь им не придется,
Что прошло, то не вернется,
Кроме, как во сне.

ЭР02989

СОДЕРЖАНИЕ

С

Капитан СТОРОЖЕНКО. Что произошло в районе озера Хасан Из племени богатырей 1
В. ЧЕРНЫШЕВ. Японцы вторгаются на советскую землю . . . 1
Лейтенант ХРИСТОЛЮБОВ. Бой за высоту Заозерную 2
Пулеметчик ЗУЕВ. Мы брали пример с командиров 2
Красноармеец БАГРОВ. Сквозь вражеское кольцо 2
Красноармеец МЕДВЕДЕВ. Меткие выстрелы снайперов 2
Майор П. СОЛЯНОВ. Штурм сопки Пулеметной 2
Г. ДВОРЕЦКИЙ. Сопка Заозерная отбита 3
З. АБРАМОВ. Красное знамя 3
С. И. ЦАРЕГОРОДЦЕВ. Служу Советскому Союзу 4
Пулеметчик Андрей ДМИТРИЕНКО. Наши пулеметы били без промаха 4
ГРУЗДОВ и МАМОНОВ. Командир Ольховик уничтожил японскую батарею и две роты солдат 4
И. КАТАЛИН. Меткость наших орудий 4
В. ЧЕРНЫШЕВ. Две атаки 4
И. ЖУКОВ. Танки ворвались в расположение противника 4
Ст. политрук Я. ЕФИМОВ. Двадцать четыре часа в осажденном танке 5
Г. ДВОРЕЦКИЙ. Хитрость командира Кузнецова 5
З. АБРАМОВ. Час победы 5
Мл. командир Г. УРИНЦЕВ. Летчики расчистили нам путь . . . 5
Летчик ГАВРИЛОВ. Как мы бомбили врага 6
Лейтенант И. КУКИН. Истребители идут в атаку 6
Ю. САРКИСОВ. Капитан Куценко 6
Ф. ВИНОГРАДОВ. Авангардная роль коммунистов в бою 6
Г. САЗЫКИН. Странички из дневника 7
И. КРИНКИН. Красные часовые 7
И. ПРОХОРОВ. На разведке 7
К. БРОННИКОВ. У отчизны моей миллионы птенцов 9
В. КОЛОБОВ. Случай на границе 9
И. БЕЛЯКОВ. Из цикла „Хасанские дни“:
Смерть военкома 9
Захотели самураи 9

ЭР02989

ДВГНБ

ЭР02989

ДВГНБ

ЭР02989

ДВГНБ

ЭР02989

2 р. 30 к.

21806

ДВГНБ

ЭР02989